

Тьма и Корона

АНАСТАСИЯ СЕРАЯ

Анастасия Серая

Тьма и Корона

<https://litres.ru/74514569>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Элларии магия давно стала частью прошлого, а тех, в чьей крови она еще жива, лучше не вспоминать. Поэтому Аста научилась быть незаметной.

Но одна случайная встреча рушит привычный порядок.

Аста оказывается слишком близко к Короне — и к тайнам, которые десятилетиями были спрятаны в старых указах и забытых родословных. Чем глубже она погружается в прошлое, тем яснее становится: история, которую она знала с детства, является ложью.

Почему магия теней была объявлена запретной?

Что на самом деле произошло много лет назад?

И почему Корона вдруг заинтересовалась девушкой, которая всю жизнь старалась оставаться незаметной?

Чтобы найти ответы, Асте придется сделать то, чего она боялась больше всего.

Перестать прятаться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	51
Глава 8	60
Глава 9	69
Глава 10	76
Глава 11	86
Глава 12	96
Глава 13	105
Глава 14	120
Глава 15	127
Глава 16	135
Глава 17	149
Глава 18	162
Глава 19	181
Конец ознакомительного фрагмента.	194

Анастасия Серая

Тьма и Корона

Глава 1

Аста осторожно придержала край хрупкого манускрипта и склонилась ниже, разбирая выцветшие строки. Некоторые символы почти стерлись, и приходилось подолгу всматриваться в пожелтевший пергамент, прежде чем знакомые очертания складывались в слова.

Перевод древних манускриптов с забытых языков требовал тишины и усидчивости. Это была монотонная работа, от которой у многих болела голова, но Асте она позволяла прятаться. Здесь, среди бесконечных стеллажей городского архива, тени казались гуще и прохладнее. Иногда, когда накачивала тревога, ей даже мерещилось, что тени по углам ластятся к ней, успокаивая.

Семья обосновалась в столице всего несколько месяцев назад, но казалось, что прошла вечность.

Владения милосердной королевы Аталии были безупречными. Ровно вымощенные улицы, сытые горожане, белокаменные дома. Даже стража на перекрестках казалась частью тщательно выверенного порядка: неподвижные фигуры в одинаковых доспехах провожали прохожих внимательны-

ми взглядами.

Столица словно была выстроена вокруг королевского дворца. От огромной площади перед его воротами в разные стороны расходились широкие улицы, постепенно сужавшиеся и превращавшиеся в сеть переулков. Чем дальше от центра, тем меньше становилось парадного блеска. Белокаменные дома теснились друг к другу, первые этажи занимали лавки, пекарни и мастерские, над дверями покачивались деревянные вывески. В Гильдейском квартале с утра звенели молоты и грохотали телеги, возле рынка торговцы перекрикивали друг друга, а аптекарский ряд пах сушеными травами так сильно, что Аста чувствовала его задолго до того, как видела сами лавки. Совсем другой была набережная. Там город будто становился просторнее: над темной водой дрожали отражения фонарей, возле парапета по вечерам собирались музыканты, а шум улиц смешивался с плеском реки. И почти отовсюду, стоило домам немного расступиться, можно было увидеть дворец — светлый, огромный, возвышавшийся над крышами и напоминавший каждому жителю, кому принадлежит этот безупречный город.

И в этом сияющем великолепии Аста чувствовала себя совершенно чужой.

Она оторвалась от манускрипта и поправила выбившуюся прядь светло-русых волос. Они струились чуть ниже лопаток, и Аста часто пряталась за ними, словно за спасительной занавеской. Случайно поймав свое отражение в мутном стек-

ле книжного шкафа, она привычно одернула рукава, прикрывая тонкие запястья.

На фоне статной, по-настоящему красивой сестры собственная болезненная угловатость всегда казалась ей особенно заметной. Лишь мягкие, по-детски милые щеки да выразительные серо-голубые миндалевидные глаза немного сглаживали ее. Но самой Асте казалось, что в этом ослепительном городе она выглядит как бледная моль, случайно залетевшая во дворец к ярким бабочкам.

Остальные нашли свое место гораздо быстрее. Мать, Ларен, устроилась учительницей и теперь каждый вечер с упоением рассказывала о мудрых порядках столицы. Отец, Маэль, получил место в столярной мастерской, и от его одежды снова привычно и уютно пахло древесной стружкой. Тиана всецело посвятила себя малышу, наслаждаясь безопасностью.

А Аста нашла свое убежище здесь, в городском архиве.

Он мало походил на величественные здания в центре столицы. Здесь ничего не было создано для того, чтобы впечатлять. Каменные стены потемнели от времени, высокие окна пропускали ровно столько света, чтобы днем можно было обходиться без свечей, а дубовые стеллажи стояли так тесно, что в некоторых проходах двум людям пришлось бы протискиваться боком. Чем дальше от главного зала, тем уже становились коридоры и тем старше — хранившиеся в них книги. Папки, свитки и тяжелые переплетенные тома заполня-

ли полки почти до самого потолка; к верхним приходилось приставлять деревянную лестницу. В воздухе всегда смешивались запахи старой бумаги, воска и пыли, а тишину нарушали только шелест страниц, скрип перьев и приглушенные шаги по каменному полу. Для кого-то архив наверняка казался мрачным и душным. Для Асты он был первым местом в столице, где ей не хотелось стать еще незаметнее.

Она снова склонилась над манускриптом, пытаясь разобрать почти исчезнувший символ.

— Снова забыла пообедать?

Аста вздрогнула и едва не мазнула чернилами по пергаменту.

— Элара!

— Вот поэтому нормальные люди иногда отрываются от работы.

В дверях стояла ее коллега по архиву — жизнерадостная, с копной непослушных темных кудрей и вечно испачканными в чернилах пальцами. За прошедшие месяцы Элара стала для Асты настоящим спасением в этом чужом городе.

По правде говоря, Аста знала, что в столице живет ее подруга детства. Знала с самого приезда. И все это время находила причины не искать встречи.

Они не виделись много лет. Слишком много. За это время люди менялись, забывали старые обещания и учились смотреть на прошлое совсем иначе. Только Свет знал, как Тори встретит ее теперь. И Аста пока не была уверена, что хочет

это выяснять.

Поэтому Элара оставалась единственным человеком в столице, с которым Аста могла просто проводить время. Не думая о том, какой ее помнили раньше.

Элара с мягкой улыбкой плюхнула на стол бумажный сверток со свежей выпечкой.

Аста тут же подхватила манускрипт и отодвинула его подальше от проступившего на бумаге масляного пятна.

— Осторожнее.

— Я смотрю, приоритеты у тебя расставлены правильно. — Элара покосилась на манускрипт. — Если ты продолжишь питаться только древней пылью и сложными переводами, скоро начнешь просвечивать на солнце.

— Зато рукописи останутся целы.

— Несомненно. Они переживут нас обеих.

Элара присела на край массивного дубового стола и подтолкнула сверток ближе к Асте.

— Ешь. И не смотри на меня так. Завтра у нас выходной. Аста насторожилась.

— И?

— И я не позволю тебе снова просидеть весь день взаперти.

— Элара, я не...

— Никаких возражений! — Та весело подмигнула. — Завтра мы идем в Королевские сады. Они открыты для всех подданных в честь праздника.

Аста обреченно посмотрела на нее.

— Там будут музыканты, угощения и столько цветов, что у тебя закружится голова, — продолжила Элара. — Тебе нужно развеяться.

— Мне и здесь неплохо.

— Вот это меня и пугает.

Аста невольно улыбнулась.

Элара победно вскинула подбородок.

— Кто знает, может, ты встретишь там кого-нибудь интересного?

Улыбка тут же исчезла. Аста скептически изогнула бровь, но спорить не стала. Меньше всего на свете она искала встреч с кем бы то ни было в этом слепящем городе.

Глава 2

Королевские сады утопали в цветах, смехе и музыке лютней. Элара, сияющая в своем лучшем терракотовом платье, тащила Асту сквозь пеструю толпу. Аста же, облаченная в простое темно-синее платье, меланхолично доедала вторую сдобную булку с кремом.

— Это возмутительно несправедливо, — проворчала Элара, с завистью косясь на выпечку. — Ты ешь за троих здоровых лесорубов, а талия у тебя все равно тоньше, чем мое запястье. Я просто посмотрю на эклер, и мое платье уже трещит по швам!

Аста пожала плечами, слизывая крем с пальца.

— Могу отдать половину.

— Поздно. Я уже тебя ненавижу.

— Переживу.

Элара фыркнула и потянула ее дальше.

Аста ненавидела толпу. Слишком много голосов, чужих плеч, случайных прикосновений и взглядов. Она то и дело отступала в сторону, пропуская шумные компании, и уже несколько раз предлагала Эларе найти какое-нибудь место потише. Элара неизменно делала вид, что не слышит.

— О, смотри, виконт из казначейства опять сюда смотрит, — прошептала она, сжимая локоть подруги.

Аста даже не повернула головы.

— Пусть смотрит.

— Он смотрит уже минут пять.

— Если будет смотреть еще пристальнее, ему придется платить налог на роскошь.

Элара прыснула со смеху.

С другой стороны сада, укрывшись в прохладной тени раскидистого дуба, за ними наблюдал принц Никан. Ему было скучно. Вокруг привычно толпились молодые аристократы, кто-то рассказывал историю, которая явно должна была показаться ему смешной, девушки время от времени поглядывали в его сторону. Никан лениво потягивал вино, почти не слушая разговор. Его внимание привлек смех.

Девушка в темно-синем платье стояла рядом с темноволосой подругой, держа в руке недоеденную булку. Светло-русые волосы свободно падали ей на плечи, то и дело закрывая часть лица, а из-под них поблескивали светлые, серо-голубые глаза. Она была тонкой, почти хрупкой на фоне разодетых придворных девушек, и словно всеми силами старалась занимать как можно меньше места.

В ней не было ничего вызывающего: ни роскошного наряда, ни драгоценностей, ни попыток обратить на себя внимание. Скорее наоборот. Она будто все время искала возможность отойти подальше от толпы.

В этот момент к Асте приблизился высокий, весьма симпатичный юноша. Его камзол был расстегнут, а в размашистых движениях читалась легкая, но опасная нетрезвость.

— Такая прекрасная леди не должна прятаться, — мурлыкнул он, преграждая Асте путь. — Позвольте украсить ваш вечер.

Аста остановилась.

— Боюсь, вы опоздали, — ровным тоном ответила она. — Мой вечер уже украшен углеводами и обществом моей подруги.

Элара уткнулась губами в край бокала, пряча улыбку. Парень самодовольно усмехнулся. Явно не привыкший к отказам, он сделал шаг вперед, вторгаясь в личное пространство Асты.

Она сразу напряглась.

— Я сказал что-то смешное?

— Нет. Именно поэтому я и хочу уйти.

Аста шагнула в сторону, но парень снова перегородил ей дорогу.

— Да брось, не ломайся.

Он схватил ее за руку. Улыбка исчезла с лица Асты. Холодное раздражение мгновенно прострелило затылок.

— Отпустите.

— Я же вижу, что я тебе нравлюсь.

Аста посмотрела сначала на его руку, стиснувшую ее запястье, потом ему в лицо.

— У вас удивительный талант видеть то, чего нет.

Она уже собиралась выдернуть руку, когда за спиной юноши раздался спокойный голос:

— Мне кажется, леди достаточно ясно попросила вас ее отпустить.

Парень резко обернулся и побледнел.

Никан стоял в паре шагов от них. Еще недавно скучающее выражение исчезло с его лица, а темные глаза холодно смотрели на руку, все еще сжимавшую запястье Асты. Юноша мгновенно отпустил ее.

— Ваше Высочество... Прошу прощения, я не думал...

— Это заметно.

Никан перевел взгляд на него.

— А теперь исчезни, пока я не попросил стражу помочь тебе освежиться в фонтане.

Парень низко поклонился и поспешно растворился в толпе. Аста потерла запястье. Никан повернулся к ней.

Вблизи девушка оказалась еще более странной, чем показалась издали. Не испуганной. Не взволнованной, скорее раздраженной.

— Кажется, я вовремя оказался рядом, — произнес он.

Рядом раздался странный звук. Аста покосилась на Элору. Та уже приседала в глубоком реверансе, едва не зацепившись юбкой за куст роз.

Только теперь Аста поняла, кто именно стоит перед ней. Она посмотрела на принца внимательнее.

Высокий, широкоплечий, с темными волосами, которые даже придворная укладка не сумела заставить лежать совершенно ровно. Темные глаза под прямыми бровями смотрели

внимательно и чуть насмешливо, а правильные черты лица были достаточно хороши, чтобы объяснить восторги Элары и половины присутствующих здесь девушек.

Красивый. Прекрасно одетый. И, судя по выражению его лица, прекрасно об этом осведомленный.

Аста сделала короткий реверанс.

— Благодарю за помощь, Ваше Высочество.

Никан чуть улыбнулся.

— Не за что.

Аста кивнула.

— Хотя я уверена, что его эго разбилось бы о мои аргументы не хуже, чем о ваш титул.

Улыбка Никана стала шире.

— Не сомневаюсь.

— Тогда хорошего вам вечера.

Она взяла застывшую Элару под руку и развернулась.

— Аста... — едва слышно выдохнула та.

— Что?

— Ты сейчас уходишь.

— Именно.

— От принца.

Аста бросила на нее недоуменный взгляд.

— А что я должна делать?

И потянула подругу дальше. Никан остался на месте. Несколько секунд он молча смотрел им вслед. Он привык к почтительности. К попыткам понравиться. К слишком гром-

кому смеху над его шутками и слишком долгим взглядам. Эта девушка поблагодарила его — и ушла. Так просто, будто он был обычным человеком, случайно оказавшимся рядом.

Никан задумчиво покрутил бокал в пальцах. На место скуки пришло любопытство.

Глава 3

Праздник в Королевских садах набирал обороты. В воздухе кружились золотистые искры фейерверков, а музыканты играли так зажигательно, что даже статуи, казалось, были готовы пуститься в пляс.

Элара, все еще пребывая в легкой эйфории после встречи с принцем, потащила Асту вглубь сада, к раскидистому платану, где их ждали две девушки.

— Аста, познакомься, это Селина и Валерис. Мы выросли вместе на южной окраине, — радостно прошептала она.

Селина, миловидная девушка с веснушками, приветливо улыбнулась. Валерис ограничилась оценивающим взглядом. Ее иссиня-черные волосы блестящей волной спадали до плеч, а изумрудное платье сидело настолько безупречно, что Аста невольно подумала, сколько часов потребовалось, чтобы затянуть корсет.

— Так это и есть твоя новая подруга из архивов? — протянула Валерис. — Элара рассказывала, что ты целыми днями сидишь над древними свитками. Очевидно, солнце там редкий гость. Как, впрочем, и хорошая еда.

Элара мгновенно перестала улыбаться. Аста мысленно вздохнула.

— Совершенно верно. Архивы требуют полной самоотдачи.

Валерис чуть приподняла подбородок.

— К счастью, мой метаболизм работает так же быстро, как и мой мозг, — продолжила Аста. — Поэтому со сдобными булками проблем пока не возникало.

Селина опустила голову, скрывая улыбку. Аста скользнула взглядом по туго затянутому корсету Валерис.

— А вот дышать через раз, должно быть, действительно утомительно.

Глаза Валерис сузились.

— Аста... — тихо простонала Элара.

— Что?

Ответить Валерис не успела. По толпе пробежал шепот, люди начали расступаться. Аста заметила, как выражение лица Валерис мгновенно изменилось. Еще секунду назад раздраженная, она вдруг расправила плечи и улыбнулась кому-то за спиной Асты. Этого оказалось достаточно.

— Только не говори, что... — пробормотала Аста.

— Добрый вечер.

Голос раздался совсем близко. Аста обернулась. Перед ними стоял Никан. Валерис уже приседала в безупречном реверансе.

— Ваше Высочество.

Принц ответил ей коротким кивком, после чего посмотрел на Асту.

— Мы снова встретились.

— Весьма наблюдательно, Ваше Высочество.

Элара тихо втянула воздух. На губах Никана появилась улыбка.

— А я все еще не знаю вашего имени.

Аста на мгновение замялась. Отказать наследному принцу в такой простой просьбе было бы уже не независимостью, а откровенным хамством. Она сделала короткий реверанс.

— Аста.

— Просто Аста?

— Думаю, этого вполне достаточно.

Селина закашлялась. Валерис смотрела на Асту так, будто мысленно выбирала место для ее захоронения. Никан усмехнулся.

— Что ж, Аста. Позвольте пригласить вас на танец?

Аста посмотрела в сторону танцующих пар. Толпа стала еще плотнее. От одной мысли о том, что придется оказаться в самом ее центре, между чужими руками, взглядами и шелестящими юбками, внутри неприятно сжалось.

— Благодарю, но нет.

На этот раз в ее голосе не было колкости. Никан чуть склонил голову.

— Вы не танцуете?

— Танцую. Просто не сегодня.

Он задержал на ней взгляд, словно хотел что-то спросить, но передумал.

— Тогда не стану настаивать.

Аста удивленно моргнула. Она явно ожидала другого. Ни-

кан заметил это и усмехнулся.

— Я умею переживать отказы.

— Рада это слышать.

— Хотя и не люблю их.

— Это уже не моя проблема.

На этот раз рассмеялся он сам.

— Приятного вечера, Аста.

— И вам, Ваше Высочество.

Никан отошел. Несколько секунд никто не говорил. Потом Элара медленно повернулась к Асте.

— Ты отказала ему второй раз.

— Я заметила.

— Наследному принцу.

— Элара.

— Хорошо. Молчу.

— Там, кажется, вынесли тарталетки с малиной.

Элара посмотрела на нее с отчаянием.

— Иногда я совершенно тебя не понимаю.

— Идем.

Остаток вечера прошел спокойнее. Аста смеялась над шутками Селины, пробовала сладости и старательно не замечала Валерис, которая после появления принца почти перестала с ней разговаривать.

Когда стемнело, Аста тепло попрощалась с Эларой и направилась к выходу. Она не заметила, что Никан снова увидел ее.

Он стоял на одном из дворцовых балконов, лениво крутя в пальцах бокал, когда знакомая фигура в темно-синем платье появилась среди уходящих гостей. Его взгляд задержался на ней всего на несколько секунд. А потом Никан нахмурился.

Свет дворцовых фонарей ложился на дорожку ровными золотыми пятнами. Гости проходили через них один за другим. Но вокруг Асты тени будто становились гуще.

Одна протянулась от дерева слишком далеко, почти коснувшись ее ног. Другая скользнула по плечам, хотя ближайший источник света находился совсем с другой стороны.

Никан моргнул. Все стало обычным. Он медленно опустил бокал. Наверное, показалось. И все же, когда Аста скрылась за воротами, он еще некоторое время смотрел ей вслед.

Прохладный ночной воздух стал настоящим спасением после душной, пропитанной сладкими духами и вином атмосферы Королевских садов.

Аста шла по тихим, вымощенным белым камнем улицам, с наслаждением вдыхая свежесть.

Уличные фонари отбрасывали длинные тени. Темные силуэты вытягивались вдоль стен, пересекали мостовую и словно скользили следом за ней.

Аста этого почти не замечала. Так было всегда. В голове раз за разом прокручивался разговор с принцем. Она не была настолько равнодушна, как пыталась показать.

Вблизи Никан оказался еще красивее, чем издалека, а его

внимание неожиданно льстило. Было приятно осознавать, что человек, вокруг которого весь вечер вращалась половина сада, дважды подошел именно к ней. Но приятное не означало безопасное.

Аста слишком хорошо знала, насколько быстро чужой интерес превращается в любопытство, а любопытство — в желание узнать то, что она предпочла бы навсегда оставить скрытым.

Поэтому принц должен был остаться просто принцем. Красивым, обаятельным и очень далеким от ее жизни.

Дом, который семья снимала на окраине благополучного квартала, встретил ее запахом травяного чая и тихого уюта.

На маленькой кухне горел теплый желтый свет. Тиана, переодетая в простое домашнее платье, сидела за деревянным столом, помешивая ложечкой дымящийся настой в чашке. Густые каштановые волосы, которые днем она обычно собирала, теперь свободно лежали на плечах мягкими волнами. Даже в домашней одежде Тиана казалась статной — высокой, с мягкими женственными чертами и теплыми карими глазами, очень похожими на материнские.

У ее ног на пушистом коврикe возился Никос.

Заметив вошедшую Асту, малыш радостно взвизгнул. Он бросил деревянную лошадку, неуклюже поднялся на пухлые ножки и, смешно раскачиваясь, заторопился к ней.

— Аста! Аста!

Вся усталость и колющее напряжение вечера мгновенно испарились. Аста улыбнулась, опустилась на колени и подхватила пахнущего молочной кашей и детским мылом племянника на руки.

— Привет, мой маленький лорд.

Никос заливисто рассмеялся и тут же вцепился в прядь ее волос.

— Ай. Вот и вся благодарность?

Малыш рассмеялся еще громче. В этом ребенке Аста души не чаяла. В мире, где слишком многое приходилось скрывать, любовь Никоса оставалась простой и понятной. Он радовался ей только потому, что она пришла домой.

— Как прошел праздник? — спросила Тиана, с теплотой наблюдая за сестрой, и пододвинула ей вторую чашку с чаем. — Ты рано вернулась. Я думала, Элара затащит тебя танцевать до утра.

— Эларе сейчас не до меня. Она занята очарованием какого-то стражника из дворцовой охраны.

Аста уселась за стол, устроив Никоса на коленях. Малыш тут же принялся изучать пуговицы на ее платье.

— А праздник?

— Слишком шумный. Слишком сладкий. И слишком много людей.

Тиана улыбнулась.

— То есть тебе понравилось.

— Именно это я и сказала.

Сестра рассмеялась.

— Никто не обратил на тебя внимания?

Аста замерла с чашкой у губ. Перед глазами на секунду вспыхнули темные, насмешливые глаза.

— Почему ты спрашиваешь?

— Просто спрашиваю.

Аста посмотрела на сестру поверх чашки. Тиана невинно улыбнулась.

— Никто, о ком стоило бы беспокоиться, — наконец ответила Аста и уткнулась носом в мягкую макушку Никоса.

Она перевела взгляд на темное окно кухни. Ей нужно было просто делать свою работу в архиве и беречь этот маленький, хрупкий мир. Чем меньше люди будут знать о ней, тем лучше. Аста была уверена, что сегодняшний вечер ничего не изменит.

В это же время в ослепительно белых покоях королевского дворца царила совершенно иная атмосфера. Принц Никан расположился в обитом красным бархатом кресле, держа в руке бокал с вином.

Напротив, за изящным туалетным столиком, сидела Королева Аталия. Красивой ее сложно было назвать даже из вежливости. Лицо было узким, с резко очерченными скулами и слишком острым подбородком, а тонкие, почти плоские губы даже в улыбке оставались похожими на ровную черту. Но больше всего внимание притягивали глаза — тем-

ные, неестественно круглые и чуть крупнее, чем требовали остальные черты. Из-за них казалось, что Аталия смотрит на человека слишком внимательно, замечая даже то, чего он сам предпочел бы в себе не видеть.

Длинные темные волосы, напротив, были безупречны. Две служанки осторожно расчесывали их, укладывая тяжелые пряди на спину. Аталия сидела совершенно неподвижно, с прямой спиной и расслабленными руками. В ней не было той красоты, которую воспевали придворные поэты, но было нечто гораздо более действенное: абсолютная уверенность в том, что ни внешность, ни возраст, ни чужое мнение не способны уменьшить ее власть хотя бы на крупицу.

— Ты сегодня был в садах, мой мальчик, — мягко произнесла Королева, разглядывая свое отражение. — Надеюсь, столичные леди не слишком тебе докучали?

Никан сделал глоток. Он слишком хорошо знал этот тон. Мать никогда не спрашивала просто из любопытства.

— Ничего необычного. Послы, скучные разговоры, один молодой лорд напился раньше заката.

— Как прискорбно.

Аталия улыбнулась отражению служанки, которая на мгновение зацепила гребнем прядь ее волос. Девушка побледнела.

— Осторожнее, милая.

— Простите, Ваше Величество.

— Ничего страшного.

Голос королевы оставался ласковым. Служанка после этого двигалась так осторожно, будто держала в руках острый клинок. Никан наблюдал за ней через зеркало.

— Кто-нибудь еще? — спросила Аталия.

Он мог бы ответить «нет». Но перед глазами вновь появилась темная тень, скользнувшая по плечам девушки в синем.

— Одна девушка.

Королева едва заметно подняла бровь.

— Вот как?

— Ее зовут Аста.

— И чем же она заслужила упоминания?

— Не захотела со мной танцевать и все время ела.

Теперь Королева улыбнулась. Так же мягко, как прежде.

— Как необычно для молодой девушки.

Никан откинулся на спинку кресла. Он ничего не сказал о тенях. Сам еще не понимал, видел ли их вообще.

— И она тебе понравилась? — спросила Аталия.

— Я знаком с ней меньше одного вечера.

— Это не ответ.

— Значит, придется пережить неопределенность.

Королева тихо рассмеялась.

— Ты становишься дерзким.

— Учусь у лучших.

На этот раз одна из служанок едва заметно втянула воздух. Аталия же продолжала улыбаться.

— Ступай, мой мальчик. Уже поздно.

Никан поднялся.

— Доброй ночи, матушка.

Он поклонился и направился к двери.

— Никан.

Принц остановился.

— Да?

Королева не обернулась.

— Как ты сказал, ее зовут?

Он помедлил.

— Аста.

— Красивое имя.

Никан вышел из покоев. Двери за его спиной бесшумно закрылись. А внутри Королева еще долго смотрела на собственное отражение.

— Узнай, кто она и чем занимается, — сказала она капитану гвардии.

Глава 4

В дверь постучали ровно в полдень.

Когда Ларен открыла ее, крошечная прихожая арендованного дома мгновенно наполнилась запахом дорогих духов и свежего уличного ветра. На пороге стоял королевский гонец в ослепительной бело-золотой ливрее.

Спустя несколько минут стражники внесли в дом тяжелые сундуки и корзины. Ларен побледнела от благоговения, принимая грамоту с гербовой печатью. Обычно безупречно собранные светло-каштановые волосы выбились возле висков, и она машинально поправила их тонкими пальцами. В ее мягких карих глазах появился почти детский восторг.

Рядом Маэль вытянулся по струнке. Тиана, прижимая к груди Никоса, восторженно ахнула.

— Ее Величество Королева Аталия безмерно рада приветствовать вашу семью под сияющим небом столицы, — мягко, с искренней теплотой произнес гонец, вручая им дары. — А для леди Асты передан особый дар. Ее усердие в архивах не осталось незамеченным Ее Величеством, которая ценит каждого, кто трудится на благо королевства.

Аста подняла голову.

— Для меня?

Гонец улыбнулся.

— Лично от Ее Величества.

Когда за ним закрылась дверь, несколько мгновений никто не произнес ни слова. А потом дом взорвался голосами.

Ларен благоговейно перебирала тончайшие шелка. Маэль с изумлением рассматривал золотые монеты, будто не вполне верил, что они настоящие. Тиана заглядывала в корзины, одной рукой придерживая Никоса, который тоже пытался принять участие в общем восторге.

Аста стояла у стола и смотрела на темно-синюю бархатную коробку со своим именем. Она медленно открывала ее. На белоснежном шелке покоилось серебряное ожерелье тончайшей работы. Переплетающиеся ветви были усыпаны прозрачными камнями, ловившими свет из окна. Это было слишком дорого. Слишком прекрасно.

— Надень же его, Аста! — голос матери дрожал от нетерпения и восторга. — Примерь немедленно!

Аста взглянула на нее. Ларен сияла. Маэль тоже отложил монеты и повернулся к дочери. Аста послушно достала украшение. Серебро показалось ей неожиданно тяжелым и неестественно холодным. Она закинула волосы на одно плечо и застегнула замочек на затылке.

Щелк.

В тот же миг воздух в легких внезапно закончился. Аста тихо ахнула. Холодный металл впился в кожу, и ей вдруг показалось, что это не изящные ветви, а тугий, глухой ошейник. Затылок прострелило тянущей болью, а к горлу подка-

тил липкий, необъяснимый страх. Ей захотелось сорвать его. Спрятаться. Убежать. Никос вдруг захныкал на руках у Тианы.

— Ну-ну, что ты? — Та машинально покачала его.

Но малыш не успокаивался и тянул руки к Асте. Она почти не замечала этого. Перед ней стояла ее семья. Лицо отца светилось гордостью. Глаза матери блестели от слез. Тиана улыбалась ей поверх светлой макушки Никоса. Они были счастливы здесь. Королева подарила им безопасность, достаток, новую жизнь. А теперь оказала честь лично ей.

Почему же ей хотелось бежать?

Аста попыталась улыбнуться, но губы плохо слушались.

— Ну посмотри же, какая красота! — Ларен всплеснула руками.

И только тогда внимательно посмотрела на дочь. Улыбка медленно исчезла с ее лица.

— Аста?

Она шагнула ближе.

— Тебе нехорошо?

Аста дрожащими пальцами потянулась к затылку и растегнула замок. Ожерелье с тихим звоном соскользнуло на стол.

Она судорожно вдохнула.

Еще раз.

И только тогда поняла, насколько сильно дрожат руки.

— Оно... оно прекрасное, мама. Правда, — голос прозвучал

чал глухо. — Просто немного тяжелое. И холодное.

Ларен смотрела на нее, не понимая.

— Простите меня.

В комнате стало тихо. Только Никос все еще тихонько хныкал, прижавшись к груди матери. Маэль перевел взгляд с дочери на лежащее на столе ожерелье.

— Тяжелое? — переспросил он.

Аста кивнула. Он медленно взял бархатную коробку, поставил рядом с украшением и некоторое время молчал.

— Сама Королева одаривает нас такой милостью, Аста.

В его голосе не было злости. От этого стало только хуже.

— А ты даже не можешь порадоваться?

— Я радуюсь, папа.

— Разве?

Аста сжала пальцы.

— Я благодарна. Правда. Просто мне стало не по себе. Я не знаю почему.

Маэль отвел взгляд и закрыл коробку. Негромкий щелчок крышки почему-то прозвучал почти так же отчетливо, как застежка ожерелья минуту назад.

Ларен медленно опустилась на стул. Весь ее восторг исчез. Она потерла ладонями лицо, словно внезапно очень устала.

Аста замерла.

— Мама...

Несколько секунд Ларен молчала.

— Я просто не понимаю тебя, — наконец произнесла она.

Тихо. Без гнева.

— Мы приехали сюда ради новой жизни. Чтобы все наконец осталось позади. Чтобы тебе больше не приходилось жить так, как раньше.

Аста опустила глаза.

— Я знаю.

— Ее Величество проявила к нашей семье такую доброту... — Ларен посмотрела на закрытую коробку. — К тебе. Лично к тебе.

Она снова замолчала. А потом устало покачала головой.

— А ты опять ищешь повод бояться.

— Я не ищу.

— Тогда что это?

Аста не нашлась с ответом. Ларен посмотрела на нее, и в ее взгляде было столько усталости, что Аста почти предпочла бы гнев.

— Это твоя дурная кровь, — едва слышно сказала мать. — Эта вечная отстраненность. Вечный страх перед всем, что могло бы сделать тебя счастливой.

— Ларен, — негромко произнес Маэль.

Она вздрогнула. На мгновение прикрыла глаза. Но сказанного уже нельзя было вернуть. Тиана молчала, покачивая Никоса. Даже малыши наконец затих, словно почувствовав изменившуюся атмосферу.

Аста смотрела на мать. В груди было пусто. Еще несколько минут назад все смеялись. Теперь никто даже не смотрел на

принесенные Королевой подарки.

— Простите меня, — еле слышно сказала она.

— Аста...

— Мне нужно подышать свежим воздухом.

Она развернулась и вышла прежде, чем кто-нибудь успел ее остановить. Жаркий воздух ударил в лицо. Аста быстро шла по белым улицам, почти не разбирая дороги. Глаза щипало, и она зло вытирала их тыльной стороной ладони. Слова матери не выходили из головы.

Вечный страх.

Может быть, именно в этом и была проблема. Возможно, все остальные действительно умели принимать хорошее таким, каким оно было, а она одна постоянно ждала подвоха.

Аста ускорила шаг. За ее спиной белые стены домов заливало полуденное солнце. Но в узких переулках, мимо которых она проходила, тени становились гуще. Одна вытянулась по мостовой следом за ней. Потом другая. Темные силуэты бесшумно скользили вдоль стен, будто стараясь не отставать.

Глава 5

Городской архив встретил Асту благословенной тишиной и запахом старой бумаги. Сегодня здесь почти никого не было. Она забралась в самую дальнюю, слабо освещенную секцию, где хранились ветхие генеалогические древа давно угасших родов. Здесь, среди высоких дубовых стеллажей, те-ни казались густыми и почти осязаемыми.

Аста прижалась лбом к прохладному корешку какой-то книги, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце. Слова матери не выходили из головы.

Дурная кровь.

Она закрыла глаза. Вдруг воздух в узком проходе неуловимо изменился. Запах пыли и воска смешался с терпким, будоражащим ароматом ночного кедра и озона, словно перед грозой.

Аста замерла. Тихие, размеренные шаги эхом отражались от каменного пола. Кто-то шел сюда. Не торопясь. Она выпрямилась как раз в тот момент, когда из-за стеллажа появился Никан.

На нем не было парадного камзола — только темная рубашка, слегка расстегнутая у ворота, и темные брюки. В полумраке архива его глаза казались почти черными. Принц остановился в нескольких шагах от нее и лениво оглядел пыльные полки.

Аста нахмурилась. Он был один. Ни стражи. Ни слуг. Ни архивариуса, который обычно сопровождал любого высокопоставленного посетителя.

Странно.

— Говорят, здесь можно найти записи о земельных налогах столетней давности, — его голос нарушил тишину, но прозвучал неожиданно тихо. — Хотя, признаться, я начинаю сомневаться в компетентности своих советников. Здесь скорее можно найти призраков.

Аста попыталась вернуть на лицо привычное спокойствие. Получилось не слишком убедительно.

— Налоги Западной провинции хранятся в третьем зале, Ваше Высочество, — ответила она. — Вы забрели в секцию мертвых династий. Боюсь, здесь нет ничего, что могло бы вас развлечь.

На губах Никана мелькнула улыбка.

— А я сегодня не ищу развлечений.

— Тогда вы выбрали правильное место.

Он сделал шаг вперед. Проход между стеллажами был узким, и расстояние между ними сразу стало неуютно маленьким.

— Иногда даже наследным принцам нужна тишина.

Аста ничего не ответила. Никан внимательно посмотрел на нее. Ранее она без труда отражала каждую его реплику. Сегодня же выглядела так, будто почти не спала: бледная, напряженная, с едва заметными тенями под глазами. Он пе-

рестал улыбаться.

— С вами все в порядке?

Вопрос застал ее врасплох.

— Конечно.

Слишком быстро. Никан чуть поднял бровь. Аста отвела взгляд. Почему-то именно эта простая забота оказалась сложнее всего. Она сцепила пальцы перед собой.

— Раз уж мы встретились без посторонних, Ваше Высочество, я должна поблагодарить вашу семью.

— Поблагодарить?

— За невероятную милость Ее Величества.

Она повторяла слова, которые уже несколько раз мысленно проговаривала по дороге сюда.

— Сегодня в наш дом доставили дары. Моя семья глубоко тронута таким вниманием.

Никан молчал. Все было сказано правильно. Даже слишком правильно. Несколько дней назад эта девушка говорила с ним так, словно его титул был досадной формальностью. Сейчас же перед ним стояла безупречно вежливая служащая архива. И ему почему-то совсем не нравилась эта перемена.

— Моя мать любит делать подарки, — наконец произнес он.

Аста подняла на него глаза. Всего на мгновение. Но Никан успел заметить в них что-то странное. Не благодарность. И не радость. Он не понял что.

— Вам не понравился подарок?

Аста напряглась.

— Я этого не говорила.

Никан чуть склонил голову.

— Не говорили.

Свеча на ближайшем столе дрогнула. Пламя вытянулось, будто от сквозняка. Никан машинально посмотрел в сторону. Окна были закрыты. Когда он снова повернулся к Асте, она крепче сжала пальцы.

— Что вам подарили?

— Ожерелье.

— И оно вам не понравилось.

— Оно очень красивое.

— Я не об этом спросил.

Аста почувствовала, как внутри снова неприятно сжалось. Слишком внимательный. Она предпочла бы того самоуверенного принца. С ним было проще.

— Я не привыкла к таким вещам.

— Вот как.

— Да.

Никан несколько секунд смотрел на нее, а потом неожиданно спросил:

— Оно тяжелое?

У Асты перехватило дыхание. Пальцы судорожно стиснули край деревянной полки. Никан заметил. Слово попало куда-то слишком точно, хотя сам он, кажется, еще не понимал куда.

— Почему вы спрашиваете?

Вопрос прозвучал тише, чем Асте хотелось бы.

— Не знаю, — ответил Никан после короткой паузы.

Впервые с момента его появления она не нашлась с ответом. Молчание затянулось. На какую-то долю секунды ей захотелось рассказать. Про ледяной металл. Про невозможность вдохнуть. Про желание сорвать ожерелье с шеи в тот самый момент, когда вся семья смотрела на нее с восторгом. Она уже открыла рот.

И остановилась.

Перед ней стоял сын женщины, приславшей подарок. Аста медленно выпрямилась.

— Щедрость короны не может быть тяжелой, Ваше Высочество.

Она помедлила.

— Она может быть только неожиданной.

Последнее слово далось ей не сразу. Никан заметил и это. Но спрашивать больше не стал. Аста отпустила полку.

— Если вам действительно нужны налоговые записи Западной провинции, я провожу вас в третий зал.

Она шагнула вперед. Пространства оказалось так мало, что Никану пришлось отступить, пропуская ее. Аста прошла мимо. Через несколько шагов остановилась.

— Хотя подозреваю, что не за налогами вы сюда пришли. Он усмехнулся.

— Вы всегда так разговариваете с членами королевской

семьи?

— Только когда они забредают не в ту секцию.

Она продолжила идти. Позади слышались шаги. Значит, он все-таки последовал за ней.

— И зачем же, по-вашему, я пришел? — спросил Никан.

Аста не обернулась.

— Не знаю.

Это было правдой. И раздражало ее больше всего. Никан явно появился здесь не случайно. Но чего именно он хотел — очередного разговора, удовлетворения любопытства или чего-то другого — она пока не понимала.

— Разочарован, — протянул он.

— Переживете.

— Вы уже второй раз выражаете удивительную уверенность в моей эмоциональной устойчивости.

Аста почти улыбнулась. Почти.

— Третий зал направо.

Они вышли из узкого прохода между стеллажами. Здесь было светлее. Из высоких окон падали широкие полосы дневного света, и Аста почувствовала, что может свободно вдохнуть.

Никан шел чуть позади. Ему стоило бы спросить имя архивариуса, отвечавшего за нужную секцию, найти нужные записи и уйти. Вместо этого он смотрел на девушку перед собой. Она снова спряталась за ровным голосом и прямой спиной. Что бы ни произошло утром, говорить об этом она

не собиралась. И он не понимал, почему это его беспокоит.

— Аста.

Она остановилась и оглянулась.

— Что?

За ее спиной темнел проход. Никан нахмурился. На мгновение ему показалось, что тень внутри узкого коридора сдвинулась. Не от света. Не от движения. Сама. Он посмотрел на окна. Потом снова туда. Ничего.

— Ваше Высочество?

Никан перевел взгляд на Асту.

— Ничего.

Она подозрительно прищурилась.

— Тогда идемте. Налоговые записи сами себя не найдут.

Аста отвернулась. Никан последовал за ней. Но на этот раз, проходя мимо очередного темного коридора между стеллажами, он смотрел уже не на девушку. Он смотрел на тени.

Глава 6

В Сапфировой гостиной дворца воздух был густым от ароматов розового масла, дорогого вина и звенящего женского смеха.

Наследный принц полулежал на обитом синим бархатом диване, лениво перебирая пальцами ножку хрустального бокала. Вокруг привычно собрались молодые леди двора. Кто-то спорил о предстоящем бале, кто-то пересказывал последние сплетни, время от времени вовлекая в разговор и его.

Слева устроилась Валерис в бордовом платье. Она склонилась ближе, легко коснувшись пальцами его предплечья.

— ...и только представьте лицо министра, когда он узнал, где именно его супруга провела прошлую ночь.

Никан рассмеялся вместе со всеми. Ровно настолько, насколько требовалось. Он умел это делать. Вовремя улыбнуться. Поддержать пустой разговор. Бросить комплимент, который завтра будут пересказывать в половине дворца.

Большинство людей считало его именно таким — праздным наследником, предпочитающим вино и красивых женщин государственным делам. Никана это вполне устраивало. Только сегодня привычная роль почему-то требовала больше усилий.

— Ваше Высочество, вы меня совсем не слушаете. — Валерис недовольно поджала губы. — О чем вы так задума-

лись?

Никан лениво повернул к ней голову.

— О прелестях архитектуры Западной провинции.

На несколько секунд повисла тишина. Потом кто-то прыснул со смеху.

— Вы ужасны. — Валерис шутливо ударила его по руке.

— Мне неоднократно об этом сообщали.

Он допил вино и поднялся.

— Уже уходите? — разочарованно спросила одна из девушек.

— Боюсь, даже наследным принцам иногда приходится изображать полезность.

На этот раз рассмеялись все. Никан коротко поклонился и вышел. Тяжелые двери закрылись за его спиной. Улыбка исчезла. Несколько мгновений он просто стоял в прохладном коридоре.

Перед глазами снова возникло лицо Асты в архиве.

Оно тяжелое?

Он сам не понимал, почему спросил именно это. Еще меньше понимал ее реакцию. Никан оттолкнулся от стены и направился дальше. Через несколько минут он уже стоял перед дверями Малого кабинета королевы. Один из стражников распахнул их перед ним.

Аталия сидела за резным столом красного дерева, просматривая пергаменты. Черные волосы были аккуратно уложены, на губах играла едва заметная улыбка. При появлении

сына она отложила перо.

— Никан, милый. Ты рано покинул гостей.

— Я оскорбительно быстро исчерпал запас интересных разговоров.

— Бедняжка.

Она улыбнулась.

— Что-то случилось?

Никан подошел к столу и небрежно оперся бедром о край.

— Ничего особенного.

Его взгляд скользнул по стопке документов.

— Хотя сегодня мне рассказали о королевских повозках, отправленных в один из городских кварталов.

Аталия взяла следующий пергамент.

— Неужели?

— К семье Маэля Эйр.

Перо на мгновение остановилось. Так ненадолго, что Никан не был уверен, действительно ли заметил это.

— Ах, да, — мягко произнесла Королева. — Они недавно прибыли в столицу. Мне показалось правильным проявить немного гостеприимства.

— Лично?

Аталия подняла глаза.

— Тебя это удивляет?

— Немного.

— Почему?

Никан пожал плечами.

— В столицу ежедневно приезжают новые семьи.

Королева несколько секунд смотрела на него.

— Не каждая новая семья воспитывает девушку, о которой мой сын вспоминает за вечер дважды.

Никан тихо усмехнулся.

— Так вот в чем дело.

— А ты думал, я не слушаю тебя?

— Я никогда не совершаю такой ошибки, матушка.

В глазах Аталии мелькнуло веселье.

— Семья производит хорошее впечатление. Отец трудится, мать преподает. Его дочь служит в архиве. Такие люди должны понимать, что столица ценит усердие.

Никан посмотрел на мать внимательнее.

— И что вы им отправили?

— Обычные знаки внимания. Ткани, немного золота. Несколько подарков.

— Несколько?

— Ты проводишь расследование?

— Возможно, мне действительно стоило остаться обсуждать жену министра.

Аталия рассмеялась.

— Возможно.

Никан улыбнулся в ответ. Но перед глазами снова появились побелевшие пальцы Асты, стиснувшие деревянную полку.

— А для девушки? — спросил он.

Королева чуть склонила голову.

— Для Асты?

Он ничего не ответил.

— Серебряное ожерелье, если память мне не изменяет.

Очень красивое.

Никан медленно выпрямился. Серебро. Всего лишь серебро.

— Она его не оценила? — спросила Аталия.

Он посмотрел на мать.

— Почему вы решили, что нет?

— Иначе ты бы не стоял сейчас в моем кабинете с таким лицом.

Никан усмехнулся.

— Каким?

— Будто пытаешься решить задачу, ответ на которую тебя раздражает.

Она снова взяла перо.

— Не волнуйся, милый. Некоторым людям просто требуется время, чтобы привыкнуть к доброте.

Никан помолчал.

— Наверное.

Перо тихо заскользило по пергаменту.

— Что-нибудь еще?

— Нет.

Он оттолкнулся от стола.

— Тогда постарайся не умереть от скуки до ужина.

— Сделаю все возможное.

Никан направился к двери.

— Милый.

Он обернулся.

Аталия смотрела на него с привычной мягкой улыбкой.

— Ты слишком много думаешь в последнее время.

— А я надеялся, что вы мной гордитесь.

— Я всегда тобой горжусь.

Никан коротко поклонился и вышел.

В коридоре его ждал начальник дворцовой стражи, просматривавший какую-то ведомость. При виде принца мужчина выпрямился.

— Ваше Высочество.

— Капитан.

Их взгляды встретились. Никан хотел пройти мимо, но почему-то остановился.

— Вы сопровождали сегодня королевские повозки?

Капитан помедлил. Совсем немного.

— Нет, Ваше Высочество.

— Кто сопровождал?

— Люди Ее Величества.

Никан кивнул.

— Понятно.

Он пошел дальше. За спиной послышался шелест бумаги. Всего несколько слов. Ничего необычного. И все же странное ощущение, появившееся еще в архиве, никуда не исчез-

ло. Он не знал, что именно ищет. Пока не знал.

Когда дверь за сыном закрылась, Аталия еще несколько секунд смотрела на нее. Затем вернулась к документам.

— Можешь войти, Сорин.

Из смежной комнаты появился Король. Сорин выглядел старше своих лет. Когда-то правильные черты лица, вероятно, делали его красивым, но теперь первым замечалась усталость: глубокие тени под серыми глазами, тонкие морщины у переносицы и едва заметно опущенные уголки рта. В темно-русых волосах у висков уже проступала седина.

Он был почти одного роста с сыном, но держался совсем иначе. Плечи слегка сутулились, словно за долгие годы Сорин привык занимать меньше места, чем позволяли ему рост и королевский титул. Даже богатый темный камзол с вышитым гербом не мог скрыть этого впечатления.

Сорин остановился возле стола.

— Никан чем-то обеспокоен?

— Никан молод, — спокойно ответила Аталия. — В его возрасте положено находить причины для беспокойства там, где их нет.

Король слабо улыбнулся, но тут же посерьезнел.

— Казначей приходил ко мне.

Перо Аталии продолжало двигаться.

— Какое несчастье.

Сорин неловко переступил с ноги на ногу.

— Он рассказал о средствах, выделенных сегодня из личной казны. На шелка, золото и серебро для семьи столяра.

Аталиа поставила точку в конце строки.

— И?

— Сумма довольно крупная.

Она подняла глаза.

— Для личной казны?

— Нет. Но...

Сорин потер пальцами переносицу.

— В северных провинциях снова просят снизить налог. Казначей считает, что сейчас подобные траты могут вызвать вопросы.

— У казначеев вся жизнь состоит из вопросов.

— Аталиа.

Она замолчала. Сорин словно набрался сил.

— Возможно, нам следовало обсудить это заранее.

Несколько мгновений Королева смотрела на него. Затем поднялась.

— Ты прав.

Сорин растерянно моргнул.

— Что?

— Я должна была сказать тебе.

Она подошла ближе и мягко взяла его за руки.

— Прости.

Король явно не ожидал этого.

— Я не хотел...

— Я знаю.

Аталия погладила большим пальцем его ладонь.

— Ты устал.

— Дело не в этом.

Она говорила очень тихо.

— Ты думаешь о севере. О казне. О людях, которые каждый день требуют от тебя решений. А тут еще я со своими подарками какой-то семье.

Сорин нахмурился.

— Я только хотел понять...

— И ты понимаешь.

Королева посмотрела ему прямо в глаза.

— Эти люди недавно оставили дом. Приехали в незнакомый город. Они должны почувствовать, что здесь их ждут.

— Но сумма...

— Несколько сундуков не разорят королевство.

— Я знаю.

— А люди запомнят.

Сорин некоторое время молчал.

— Казначей сказал...

— Твой казначей хорошо считает деньги.

Улыбка Аталии стала чуть теплее.

— Поэтому он казначей.

Она отпустила одну его руку и коснулась ладонью щеки.

— А ты Король.

Сорин смотрел на нее. Что-то в его лице изменилось. На-

прямые в плечах постепенно исчезли.

— Да, — тихо произнес он.

— Ты всегда хотел, чтобы люди любили тебя.

Король опустил взгляд.

— Конечно.

— Тогда позволь им.

Еще несколько секунд он молчал. Потом медленно кивнул.

— Хорошо.

Аталия улыбнулась.

— Хорошо?

Он устало потер лоб.

— Наверное, я действительно слишком много думаю о цифрах.

— Ты думаешь о королевстве.

Она легко поцеловала его в висок.

— Именно поэтому оно тебя любит.

Сорин слабо улыбнулся.

— Прости, что отвлек.

— Ты никогда меня не отвлекаешь.

Он направился к двери. Возле порога остановился. Будто хотел что-то сказать. Но передумал. Дверь закрылась. В кабинете стало тихо.

Аталия вернулась к столу, поправила лежащий перед ней пергамент и взяла перо. На полях документа осталось небольшое пятно чернил. Она несколько секунд смотрела на

него. А потом спокойно продолжила писать.

Глава 7

Следующие несколько дней слились для Асты в спокойную, почти спасительную рутину.

Ожерелье так и осталось лежать в бархатной коробке. Аста наотрез отказалась к нему прикасаться, сославшись на страх повредить столь дорогую вещь. Родители остались недовольны, но больше не настаивали.

Работа в городском архиве возвращала ей ощущение порядка. Забытые языки имели структуру. Правила. Если символ означал одно, он не начинал внезапно означать другое только потому, что кому-то так захотелось. В этом было что-то успокаивающее.

Был полдень. Воздух в читальном зале пах пылью, воском и прогретым деревом. Аста сидела за своим излюбленным столом в дальнем углу, низко склонившись над рассыпающимся от ветхости свитком. Пальцы, испачканные чернилами, аккуратно выводили перевод на чистом пергаменте.

Солнечный луч, пробившийся сквозь высокое узкое окно, назойливо светил прямо в глаза. Аста поморщилась и чуть отодвинулась, но это не помогло. Она прикрыла глаза ладонью и продолжила читать. Тень от ближайшего стеллажа дрогнула. Медленно вытянулась по столу, изогнувшись под невозможным углом, и легла поверх пергамента так, что яркий свет больше не попадал Асте в лицо. Она этого не за-

метила.

— Я клянусь, он посмотрел на меня как минимум трижды!

На стол плюхнулся бумажный кулек с теплыми сахарными рогаликами. Аста вздрогнула.

— Когда-нибудь ты заставишь меня испортить манускрипт.

Элара с размаху опустилась на соседний стул и принялась обмахиваться листом пергамента. Ее щеки пылали, а глаза блестели.

— Это сейчас совершенно неважно.

— Для меня — очень даже.

— Он посмотрел на меня трижды.

Аста потянулась к кульку.

— Элара, он стражник у главных ворот. В его прямые обязанности входит смотреть на людей, которые входят и выходят.

Подруга шлепнула ее по руке.

— Это мои рогалики.

— Значит, не стоило ставить их передо мной.

Аста успела выхватить один и откусила половину, блаженно прикрыв глаза. Сахар хрустнул на зубах.

— Ты невыносимая циничная зануда. — Элара отобрала кулек и прижала к груди. — У него глаза цвета топленого шоколада, Аста.

— Уже впечатляет.

— И плечи...

Аста приподняла бровь.

— Что плечи?

Элара мечтательно вздохнула.

— Ты бы видела эти плечи под форменным камзолом.

Аста рассмеялась и наконец отложила перо. Последние дни Элара рассказывала о страже у главных ворот с таким упорством, будто работала над особенно сложным переводом.

— Хорошо. Признаю. Шоколадные глаза и плечи — серьезный набор достоинств.

— Наконец-то.

— Ты хотя бы выяснила, как зовут это чудо королевской охраны?

— Кормак, — с придыханием произнесла Элара.

— Уже прогресс.

— И он заступает на вечернюю смену.

Аста медленно прожевала рогалик.

— Мне почему-то не нравится, куда движется этот разговор.

— Именно поэтому мы сейчас заканчиваем опись за прошлый год, собираем вещи и идем гулять по набережной.

— Мы?

— Мы.

— А если я откажусь?

— Я украду твои чернила.

Аста посмотрела на нее с ужасом.

— Ты чудовище.

— Значит, договорились.

К вечеру жара спала.

С реки тянуло прохладой, вдоль набережной зажигались первые фонари. Торговцы раскладывали сладости, музыканты устраивались у парапета, а по улице неспешно текла вечерняя толпа.

Элара говорила почти без остановки. О Кормаке. О том, что Валерис якобы заказала платье из золотой парчи к Празднику Урожая. Снова о Кормаке. О какой-то ужасной портнихе. И опять о Кормаке.

— Мне начинает казаться, что в твоей жизни появился определенный повторяющийся мотив, — заметила Аста.

— Даже не знаю, о чем ты.

Аста откусила кусочек медовой лепешки.

— Конечно.

Они прошли мимо двух девушек примерно их возраста.

— Говорят, принц опять отказался танцевать с леди Ми-рель, — донеслось вслед.

— После того как она заказала то платье?

— Именно!

Аста продолжила идти. И только через несколько шагов поняла, что вспомнила темные коридоры архива. Запах кедра и озона.

С вами все в порядке?

Она нахмурилась. Больше Никан не появлялся в архиве. Это было хорошо. Именно этого она и хотела. Аста откусила еще кусочек лепешки. Почему же тогда ей понадобилось самой себе об этом напоминать?

— Ты меня вообще слушаешь? — спросила Элара.

— Конечно.

— Что я сказала?

Аста задумалась.

— Что у Кормака прекрасные плечи.

— Это было два часа назад!

— Но я запомнила самое важное.

Элара возмущенно фыркнула. Аста рассмеялась и взяла ее под руку.

— Если он не пригласит тебя на Праздник Урожая, я лично найду древнее проклятие на облысение.

— Аста!

— Что? Я переводчик. У меня должны быть профессиональные преимущества.

Элара прыснула со смеху. Аста рассмеялась следом. И неожиданно поймала себя на том, что впервые за долгое время ей просто хорошо. Не безопасно. Не спокойно потому, что она спряталась среди архивных полок.

Хорошо.

Она посмотрела на реку, на золотые блики фонарей на темной воде, на людей, неспешно гулявших по набережной.

Может быть, привыкнуть к столице все-таки было возможно. Эта мысль показалась непривычной. Но Аста не стала ее прогонять.

Дома было тихо. Родители отправились на собрание ремесленной гильдии, а Тиана, измученная домашними делами, уснула в своей комнате. На кухне горел один светильник. Аста сидела на пушистом ковре, скрестив ноги, и строила башню из деревянных кубиков. Напротив, сосредоточенно пыхтя, сидел Никос.

— Смотри, Нико. Это будет самая высокая башня во всем королевстве.

Малыш внимательно следил, как она ставит последний кубик. Аста водрузила сверху треугольную крышу.

— Готово.

Никос радостно пискнул. А потом одним взмахом пухлой руки разрушил все сооружение. Кубики рассыпались по ковра. На мгновение повисла тишина. Никос посмотрел на развалины. Потом на Асту. И залиvistо расхохотался.

Она прищурилась.

— Вот как?

Малыш засмеялся еще громче.

— Я потратила на нее целых две минуты.

Никос явно не раскаивался.

— Значит, ты у нас великий разрушитель замков?

Аста схватила его под мышки и повалила на ковер.

— Попался!

Она принялась щекотать его живот. Никос визжал, дрыгал ногами и пытался поймать ее за волосы. Аста смеялась вместе с ним. Здесь ей не нужно было думать, правильно ли она говорит. Не нужно было следить за чужими взглядами или угадывать, чего от нее ждут. Никосу было совершенно безразлично, странная она или нет. Ему просто была нужна его Аста.

Аста отпустила малыша.

— Все. Пощажу тебя.

Никос еще немного похихикал, потом вдруг затих. Его взгляд переместился куда-то за ее плечо. Аста улыбнулась.

— Что там?

Малыш не ответил. Он смотрел на стену. Аста обернулась. Светильник отбрасывал ее тень на штукатурку. Обычный темный силуэт. Она уже собиралась повернуться обратно, когда край тени дрогнул. Аста застыла. Тень шевельнулась снова. Не вместе с ней, а сама. Улыбка исчезла.

Темная полоса медленно отделилась от силуэта и поползла вниз по стене. Сердце Асты тяжело ударилось о ребра.

— Тиана! — позвала Аста.

Тихо. Из комнаты сестры не донеслось ни звука. Тень снова двинулась. Аста попятилась. Она знала эти странности всю жизнь.

Тени, которые казались слишком густыми. Тени, которые словно следовали за ней. Но еще никогда они не двигались

так явно при ком-то другом. И никогда не тянулись к другому человеку. Темная полоса скользнула по ковру. Прямо к босой ноге Никоса. Аста быстро подтянула Никоса ближе к себе.

— Не надо.

Тень замерла. Аста перестала дышать. Никос посмотрел вниз. А потом неожиданно вытянул руку.

— Нет!

Она перехватила его запястье, но поздно. Кончик темной полосы коснулся пальцев малыша. Ничего не произошло. Никос моргнул, коснулся ее снова и улыбнулся.

Аста не двигалась. Тень обогнула его пальчик. Медленно. Почти осторожно. Малыш тихо засмеялся и попытался поймать ее второй рукой. Темная полоса ускользнула. Никос потянулся следом. Она появилась чуть дальше. Он снова попытался схватить. Еще дальше. Будто дразнила его. Страх Асты понемногу сменялся растерянностью. Никос смеялся. Тень снова коснулась его ладони и замерла. Никакого холода, боли или испуга.

Аста смотрела, не в силах отвести глаз. Потом светильник тихо треснул. Она вздрогнула. Пламя качнулось. Тень мгновенно отступила и снова стала частью ее обычного силуэта на стене. Все закончилось. Никос недовольно пискнул и потянулся к кубикам, словно ничего особенного не произошло.

Аста осталась сидеть рядом. Ее руки все еще дрожали. Она посмотрела на свою тень. Неподвижную. Обычную. По-

том на Никоса. Он совершенно спокойно пытался засунуть деревянный кубик в рот.

— Не надо, — машинально сказала Аста и отобрала его.

Малыш возмущенно нахмурился. Аста прижала кубик к груди. Всю жизнь ей говорили, что в ее крови есть что-то неправильное. Опасное. Она снова посмотрела на стену. Тень не двигалась. Но только что она коснулась Никоса. Самого незащищенного человека в этом доме. И не причинила ему вреда. Аста медленно выдохнула. Этого она не понимала. Пока не понимала.

Глава 8

Аста знала эту лавку.

Она проходила мимо нее почти каждый день последние несколько месяцев.

Иногда утром, если шла к архиву через аптекарский ряд. Иногда вечером, когда возвращалась домой. Иногда специально выбирала другую улицу, убеждая себя, что так быстрее.

Никогда не было быстрее.

Над дверью висела деревянная вывеска с вырезанной веткой полыни.

Под ней — аккуратная надпись:

«Эвен. Травы и лекарские сборы».

Аста каждый раз читала ее, будто за ночь буквы могли исчезнуть.

Сегодня дверь была открыта. Изнутри пахло сушеной мятой, кореньями и чем-то терпким, почти горьким.

Аста замедлила шаг. Всего на секунду. Потом опустила голову и пошла дальше.

Не сегодня.

Она повторяла это себе уже много недель.

Не сегодня.

Когда-нибудь.

Когда она придумает, что сказать. Когда перестанет пред-

ставлять выражение лица Тори после того, как та поймет, кем на самом деле была ее подруга детства.

За спиной звякнул дверной колокольчик.

— Аста?

Она остановилась. Сердце ударило так сильно, что на мгновение стало трудно вдохнуть.

Она знала этот голос. Он стал взрослее.

Аста медленно повернулась.

У двери стояла девушка.

Тори.

Не та девочка с растрепанными косами и постоянно разбитыми коленями, которую Аста помнила.

Волосы теперь были собраны на затылке деревянной шпилькой. На светлом переднике остались зеленые следы от трав. Рукава платья были закатаны до локтей.

Но глаза не изменились.

Один голубой, а второй зеленый с карими крапинками. Странная особенность, но она всегда завораживала Асту.

— Привет, — сказала Аста.

Несколько месяцев она представляла эту встречу. В придуманных разговорах она говорила гораздо больше.

— Привет, — ответила Тори.

Они смотрели друг на друга.

По улице проехала телега. Кто-то позвал ребенка домой. Рядом спорили две торговки. Аста вдруг остро почувствовала, насколько глупо они выглядят. Две девушки, застывшие

друг напротив друга, будто ни одна не знает, что делать дальше.

Тори первой улыбнулась.

Неуверенно.

— Рада тебя наконец-то увидеть.

Аста напряглась.

— Ты знала, что мы переехали?

Улыбка исчезла.

— Да.

Одно слово. И сразу стало хуже.

— Давно?

Тори отвела взгляд.

— Достаточно.

Аста не ответила. Глупая боль возникла раньше, чем она успела ее остановить.

Тори посмотрела на нее.

— Я несколько раз тебя видела.

Аста вскинула глаза.

— Возле рынка. Потом у старого храма. Пару раз рядом с архивом.

— И не подошла.

Это прозвучало почти как обвинение.

Тори чуть нахмурилась, пожала плечами, но движение получилось слишком напряженным.

— Ты ведь тоже знала, где я и ни разу не пришла.

Аста посмотрела на вывеску.

Конечно знала.

Она узнала фамилию в первую же неделю после переезда.

Потом случайно увидела Тори через окно лавки.

Потом еще раз.

И еще.

Слова не находились.

Тори коротко усмехнулась.

Аста открыла рот. И не смогла ответить. Что она должна была сказать?

Я боялась, что ты теперь понимаешь, что увидела в детстве. Боялась, что девочка, которая когда-то смотрела на меня без страха, выросла и научилась бояться.

Она опустила взгляд.

— Просто все изменилось.

Тори долго молчала.

— Да.

И от того, как спокойно она это сказала, Асте стало еще тяжелее.

Она вдруг вспомнила деревню.

Жаркое лето. Две девочки, которые могли уйти утром и вернуться домой только к темноте. Тори знала каждый тайник Асты. Каждую любимую тропу. Знала, где Маэль прятал хороший клей от детей. Знала, что Аста терпеть не могла гречневую кашу.

Знала...

Аста заставила себя оборвать мысль.

У нее были причины не приходить.

Тори несколько секунд молчала.

А потом сказала:

— Хочешь зайти?

— Мне пора домой, — сказала Аста слишком быстро.

— Понятно.

Аста почувствовала раздражение.

Не на Тори.

На себя.

На то, что сама боялась встречи, а теперь, когда она все-таки произошла, снова убегает.

— Ты сердишься? — спросила она.

— Немного.

Это было настолько неожиданно, что Аста моргнула.

Тори скрестила руки.

— Я думала, мы были подругами.

— Были.

— Ты приехала в столицу и даже не попыталась меня найти.

— Я знала, где ты.

— Это делает ситуацию еще лучше?

Не получив ответа на свой вопрос, Тори продолжила.

— Я решила, что ты не хочешь меня видеть.

— Почему?

Тори посмотрела на нее так, будто ответ был очевиден.

— Потому что я знала тебя раньше.

Аста замерла. Она почувствовала, как пальцы становятся холодными.

— Тори...

Та сделала едва заметный шаг ближе. Не настолько, чтобы привлечь внимание прохожих.

— Аста, я умею хранить секреты.

Тори сразу отвела взгляд, будто специально давала ей возможность не отвечать.

— Всегда умела, вообще-то.

Аста сглотнула.

— Ты правда думала, что я не хочу тебя видеть? — спросила Аста.

— А что еще я должна была думать?

— Не знаю.

Аста выдохнула.

— Я боялась.

Вот и все. Ни одного слова о том, о чем обе думали. И все равно они понимали друг друга.

Аста посмотрела на улицу. Потом на открытую дверь лавки.

— У тебя есть чай?

Тори подняла брови.

— У меня лавка с травами.

— Хороший?

— Нет.

Аста неожиданно улыбнулась.

— Тогда я ненадолго.

Тори отступила в сторону.

— Конечно.

Аста вошла.

Лавка оказалась меньше, чем казалась с улицы, но теснота здесь не раздражала. Почти все стены занимали деревянные полки, заставленные стеклянными банками, глиняными горшочками и небольшими бутылочками из темного стекла. На одних аккуратным почерком были подписаны мята, пустырник и полынь, на других стояли названия, которых Аста никогда прежде не слышала. Под потолком висели связки сушеных трав и кореньев, и от множества смешавшихся запахов воздух казался густым: сладковатая мята, горькая полынь, сушеные цветы и что-то пряное, почти хвойное.

У дальней стены стоял широкий деревянный прилавок, весь в мелких следах ножа и темных пятнах от настоек. За ним виднелась дверь в заднюю комнату. Возле окна Тори устроила маленький стол с двумя разномастными стульями — слишком домашний для торговой лавки и слишком удобный, чтобы предназначаться только для покупателей.

Здесь все было немного неидеальным. Банки различались размером, несколько подписей выцвели, на столе остался круг от чашки, а одна из связок трав висела заметно ниже остальных.

И почему-то именно это понравилось Асте больше всего. Они сели возле окна. Тори поставила две чашки.

— Итак, ты работаешь в архиве.

Аста нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Столица большая только для тех, кого никто не ищет.

— Ты меня искала?

Вопрос вырвался неожиданно.

Тори замерла.

— Да.

У Асты что-то сжалось внутри.

— Почему тогда не подошла?

— Потому что каждый раз, когда я тебя видела, ты выглядела так, будто весь мир лучше оставить на расстоянии.

Аста отвела взгляд.

Потом они начали говорить.

О работе.

О столице.

О Маэле и Ларен.

О Тиане.

О том, как Тори училась разбираться в травах и почему аптекари, по ее мнению, слишком высокого мнения о себе.

Ни слова о прошлом, которого обе боялись коснуться. Ни слова о том, что произошло много лет назад. И все равно это прошлое сидело с ними за столом.

Через полчаса Аста вдруг поняла, что пьет вторую чашку.

— Мне пора.

Тори не стала уговаривать остаться.

Аста поднялась. Надела плащ. У двери остановилась.

— Тори, я рада была тебя увидеть.

Тори улыбнулась.

— Я тоже рада, Аста. Заходи ко мне иногда.

Аста положила ладонь на ручку, а ее глаза подозрительно заблестели.

— А ты не боишься?

— Никогда не боялась.

Без жалости. Без одолжения.

Аста кивнула.

— Хорошо.

Она вышла на улицу и побрела домой, а в голове снова и снова звучали тихие слова Тори:

Аста, я умею хранить секреты.

Глава 9

Валерис стояла перед огромным зеркалом в примерочной мадам Селесты — лучшей портнихи столицы.

Воздух пах лавандовой водой, горячим уютом и дорогими тканями.

— Еще туже, мадам, — скомандовала Валерис, вцепившись пальцами в спинку бархатного стула.

Помощница модистки, стоявшая у нее за спиной, неуверенно замерла.

— Но, миледи, вы не сможете глубоко дышать.

— Мне не нужно глубоко дышать. Мне нужно выглядеть безупречно.

Шнуровка натянулась. Валерис медленно вдохнула. Воздуха действительно не хватало. Ничего. На Празднике Урожая она будет блистать.

Платье из тяжелой золотой парчи идеально облегало фигуру. Глубокая изумрудная вышивка оттеняла черные волосы, а корсет делал талию настолько узкой, насколько Валерис и требовала.

Она придиричиво оглядела отражение.

Безупречно.

Так почему этого все равно казалось недостаточно?

— О, Вал... — раздалось со стороны диванчика. — Ты выглядишь просто как богиня.

Валерис посмотрела на отражение Элара. Та сидела в углу, неловко поджав ноги в простеньких туфлях. На ней было обычное платье, слегка помятое после рабочего дня, а на среднем пальце правой руки темнело въевшееся пятно чернил. Валерис невольно улыбнулась.

— Правда?

— Ты издеваешься? Посмотри на себя!

— Я и смотрю.

— Если на празднике хоть кто-нибудь появится красивее тебя, я лично потребую расследования.

Валерис рассмеялась. За это она любила Элара. Рядом с ней никогда не приходилось гадать, искренен ли комплимент. Они знали друг друга с детства, еще с южной окраины столицы, где когда-то клялись дружить до самой старости. С тех пор изменилось почти все. Кроме, пожалуй, Элара. Она по-прежнему говорила то, что думала, носила чернильные пятна на пальцах и искренне радовалась чужой красоте так, словно та принадлежала ей самой. Иногда это казалось почти нелепым.

— Повернись, миледи, пожалуйста, — попросила помощница.

Валерис послушно подняла руки. На столике рядом стоял поднос с крошечными миндальными пирожными. Она задержала на нем взгляд. Всего на секунду. Потом отвернулась. После примерки. Возможно.

— Чуть выше здесь, — сказала она, указывая на линию

лифа. — И уберите эту складку.

Мадам Селеста немедленно подошла поправить ткань. В памяти почему-то всплыла совсем другая картина. Темно-синее платье. Бумажный сверток. Аста, совершенно невозмутимо доедающая булку с кремом посреди Королевских садов. Валерис сжала губы.

Мой метаболизм работает так же быстро, как и мой мозг.

Невыносимая девчонка. Особенно потому, что выглядела при этом так, словно вообще никогда не задумывалась о собственной внешности. Валерис снова посмотрела на свое отражение. Корсет сидел идеально.

— Не слишком ли туго? — осторожно спросила мадам Селеста.

— Нет.

Ответ прозвучал резче, чем следовало. Валерис расслабила лицо.

— Все прекрасно.

И улыбнулась отражению. Элара ничего не заметила. Она уже увлеченно листала лежавший рядом модный журнал.

— Как думаешь, принц Никан будет на празднике?

Пальцы Валерис замерли на золотой вышивке.

— Разумеется.

— Представляешь, если он снова пригласит Асту на танец?

Улыбка Валерис не изменилась.

— Снова?

— Ну, в саду она отказалась. Значит, технически это будет второй раз.

Валерис вспомнила тот вечер. Перед глазами уже стоял Никан. То, как он прошел мимо нее в саду. Не грубо. Не демонстративно. Хуже. Будто просто не заметил.

Валерис поправила едва заметную складку на юбке.

— Аста ведь совершенно не умеет танцевать дворцовые вальсы, — продолжала Элара. — Представляешь, как она будет нервничать?

— Именно.

Элара подняла голову.

— Что?

Валерис повернулась к ней.

— Именно поэтому я надеюсь, что он этого не сделает.

— Почему?

— Подумай сама.

Она подошла к диванчику и присела рядом, насколько позволял корсет.

— Аста совсем недавно в столице. Она не знает половины наших правил.

— Ну и что?

— Для тебя — ничего.

Валерис поправила выбившийся локон возле лица подружки.

— Для остальных?

Элара нахмурилась.

— Аста умеет за себя постоять.

— Конечно умеет.

Ответ прозвучал совершенно искренне. Валерис слишком хорошо это знала.

— Но острый язык не спасет ее, если она ошибется во время королевского танца перед всем двором.

Элара посмотрела на журнал.

— Она может научиться.

— Может.

Валерис пожала плечами.

— Только я бы на ее месте не хотела, чтобы первым уроком стал Праздник Урожая.

— Но если ее пригласит сам Никан...

— Именно если ее пригласит сам Никан.

Элара снова посмотрела на нее. Валерис мягко улыбнулась.

— Представь, сколько глаз будет на нее смотреть. Ты же знаешь, какие люди бывают при дворе.

— Знаю, — нехотя согласилась Элара.

— Кто-нибудь обязательно начнет шептаться. Еще кто-нибудь посмеется. А она сделает вид, что ей все равно, а потом будет переживать одна.

Элара нахмурилась еще сильнее.

— Аста не такая.

— Конечно не такая.

Валерис взяла ее за руку.

— Именно поэтому я за нее и переживаю.

Несколько секунд Элара молчала.

— Может, мне самой показать ей несколько движений?

У Валерис чуть дрогнули губы.

— Ты?

— Я умею танцевать!

— В прошлом году ты наступила барону Эствику на обе ноги за один вальс.

— Он сам виноват. У него огромные ступни.

Валерис рассмеялась.

— Хорошо. Только сначала потренируйся на Кормаке.

Элара моментально покраснела.

— При чем здесь Кормак?

— Совершенно ни при чем.

— Вал!

Элара попыталась выглядеть возмущенной, но не выдержала и тоже рассмеялась. Мадам Селеста кашлянула.

— Миледи, если позволите, нужно проверить подол.

Валерис поднялась и снова встала перед зеркалом. Помощница расправила тяжелую парчу вокруг ее ног.

— Прекрасно, — прошептала Элара.

Валерис посмотрела на себя.

Прекрасно.

На Празднике Урожая она войдет в зал в этом платье. Будут музыка, сотни свечей, представители лучших семей сто-

лицы. И Никан. Она провела пальцами по золотой вышивке. В саду он не посмотрел на нее. Один вечер. Всего один. Валерис чуть приподняла подбородок. Такое случилось со всеми.

А Аста...

В памяти снова возникло бледное лицо, светлые волосы и совершенно спокойный взгляд девушки, отказавшей наследному принцу так, словно это ничего не значило. Валерис нахмурилась. Она до сих пор не могла понять, действительно ли Асте было все равно. И именно это раздражало сильнее всего.

— Еще немного подтянуть здесь, — сказала она мадам Селесте.

— Миледи...

— Совсем немного.

Шнуровка снова натянулась. Валерис медленно выдохнула и посмотрела себе прямо в глаза.

К празднику все должно быть идеально.

Глава 10

Столица готовилась к Празднику Урожая так, словно от этого зависело выживание мира.

Белокаменные улицы утопали в золотых и багровых лентах. На площадях возводили сцены для музыкантов, торговцы выкладывали горы яблок и орехов, а воздух пропитался запахом корицы, выпечки и хмельного меда.

Для столицы это был не просто праздник смены сезонов. Повсюду висели золотые полотнища с солнечным гербом королевы, а на главной площади уже появилась надпись:

Свет живет там, где есть любовь Короны.

Аста прочитала ее, проходя мимо, и почему-то невольно вспомнила темно-синюю бархатную коробку, которую так и не открывала последние несколько дней.

Она поежилась и продолжила путь.

Рабочий день закончился позднее обычного. Теперь Аста пробиралась домой сквозь шумную толпу, то и дело убирая с лица растрепанные ветром светло-русые пряди. Возле прилавка с леденцами ей пришлось остановиться, пропуская стайку хохочущих детей.

Одна из девочек, совсем маленькая, споткнулась о край брусчатки и упала. Несколько секунд ошеломленно смотрела на разбитую ладошку, а потом громко расплакалась.

— Мира!

К ней тут же бросилась женщина. Подхватила на руки.
— Ну что ты, маленькая? Покажи маме.

Она поцеловала грязные пальчики, прижала девочку к груди и начала что-то тихо шептать ей на ухо. Та еще всхлипывала, но уже цеплялась руками за материнскую шею.

Аста остановилась. Шум вокруг словно отступил. Она смотрела на руку женщины, гладившую спутанные детские волосы.

И вдруг почувствовала запах сырости. Не яблок. Не меда. Сырости и старых деревянных полов.

Доски под босыми ногами были холодными. Аста сидела посреди комнаты и прислушивалась. Тишина. Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как мама ушла. В три года время еще не делилось на часы. Оно делилось на мама здесь и мамы нет. Сейчас мамы не было очень давно. Аста подошла к двери и дернула ручку. Заперто. Она уже знала. Но все равно проверяла. Каждый раз.

— Мама?

Никто не ответил. За стеной что-то стукнуло. Аста мгновенно отскочила от двери. Прижала к груди единственную тряпичную куклу, у которой давно не хватало одного глаза. Еще один звук. Она забралась на кровать и подтянула колени к груди. В пустом доме каждый шорох становился кем-то. Под полом жили чудовища. За дверью стояли чужие люди. В темных углах что-то обязательно ждало момента, когда она

перестанет смотреть.

Аста старалась не плакать. Мама не любила, когда она плакала. Мама возвращалась уставшая. Иногда злая. И всегда говорила, что Аста уже большая девочка, а большие девочки не плачут. Поэтому Аста только сильнее обняла куклу.

— Я не боюсь.

Голос дрогнул. В углу что-то шевельнулось. Аста замерла. Темнота возле старого шкафа стала гуще. Она уставилась туда широко раскрытыми глазами. Тень дрогнула. Потянулась по полу. Аста вжалась спиной в стену.

Черное пятно поднялось вверх. Сжалось. Раздалось что-то похожее на очень тихое урчание. А потом на край кровати запрыгнул кот. Совершенно черный. Чернее самого темного угла. У него не было ни глаз, ни усов, ни настоящей шерсти — только мягкий силуэт, сотканный из колеблющейся тьмы.

Аста перестала плакать.

Кот сел. Наклонил голову. Она осторожно наклонила свою. Он повторил. Аста моргнула. Кот тоже будто моргнул всем лицом сразу. Из груди девочки вырвался тихий смешок. Она протянула руку. Темная мордочка ткнулась в ее пальцы. Прохладная, но не холодная.

— Киса.

Тень свернулась возле ее ноги. Из-под стола выпорхнула маленькая темная птица. Потом еще одна. Аста рассмеялась. В тот день мама отсутствовала очень долго. Но Аста почти не заметила этого.

После этого они приходили часто. Иногда кот. Иногда птицы. Иногда просто темные ленты, которые скользили по полу вслед за ней и исчезали, стоило ей попытаться наступить на них босой пяткой.

Она никому о них не рассказывала. Не потому, что знала, что делает что-то плохое. Просто чувствовала: это принадлежит только ей. Ее маленькая тайна. Ее друзья.

А потом однажды дверь открылась раньше обычного. Аста даже не услышала. Она сидела на полу, смеясь, пока темный кот пытался поймать птицу, кружащую у нее над головой.

— Аста?

Девочка радостно обернулась.

— Мама!

Корзина выпала из рук Ларен. Что-то тяжелое покатилося по полу. Аста посмотрела на мать. И улыбка исчезла. Она никогда раньше не видела такого выражения на ее лице.

Ларен смотрела не на дочь, а на тени.

— Нет...

Темный кот замер.

— Нет.

Ларен попятилась.

— Мам?

— Что ты сделала?

Аста не поняла вопроса.

— Я играю.

— Что ты сделала?!

Мать бросилась вперед. Тени мгновенно метнулись в разные стороны. Аста испуганно вскрикнула.

— Мама!

Пощечина обожгла щеку. Мир качнулся. Аста рухнула на пол.

— Никогда!

Ларен схватила ее за плечи.

— Никогда больше!

— Больно!

— Ты слышишь меня?!

Аста заплакала.

— Не смей их звать! Никогда! Никогда!

— Я не звала!

Еще один удар. Аста уже не понимала, что происходит. Мама плакала. Кричала. Трясла ее за плечи.

— Они мои друзья! — захлебываясь слезами, выкрикнула Аста.

Ларен застыла. На мгновение в комнате стало совершенно тихо. Аста навсегда запомнила ее лицо в эту секунду.

Ужас. Настолько сильный, что даже трехлетний ребенок понял: она сказала что-то страшное.

— Нет, — прошептала мать. — Нет у тебя никаких друзей.

Аста всхлипнула.

— Есть.

— Нет!

Она снова подняла руку. Аста шарахнулась назад. И впервые в жизни испугалась собственной матери.

Ночью болела щека. Аста лежала, свернувшись под одеялом, и старалась не двигаться. На полу было темно. Она больше не смотрела в углы. Не хотела. Если не смотреть, никто не придет. Из спальни родителей доносились голоса.

Сначала Аста закрыла уши. Потом услышала свое имя. Она осторожно выбралась из кровати. Пол был ледяным. Аста на цыпочках подошла к двери родительской комнаты и прижалась к стене.

— Я видела, Маэль.

Голос матери был совсем не таким, как днем. Тихим. Слованным.

— Ларен...

— Они двигались вокруг нее.

Пауза.

— Это твоя кровь.

Аста нахмурилась.

Кровь?

Она посмотрела на свои ладони.

Крови не было.

— Я думала, этого больше нет, — продолжала мать. — Ты сам говорил. Столько поколений...

— Я знаю, что говорил.

— А если это не только тени?

Долгое молчание. Потом голос Маэля:

— Не начинай.

— А если она сможет читать...

— Ларен.

— Или залезать людям в голову, как они?

— Замолчи.

Аста прижалась ухом к двери. Она почти ничего не понимала.

— Ткачи, чтецы... Какая разница, как их называли? — голос матери сорвался. — Это запрещено. Ты знаешь, что с такими делают.

— Знаю.

— Если кто-нибудь увидит...

Ларен всхлипнула.

— Если донесут Инквизиции...

На этот раз отец ответил не сразу.

— Не увидят.

— Ты не можешь этого знать.

— Значит, сделаем так, чтобы не увидели.

— Как?

Тишина. Аста слышала только собственное дыхание.

— Она должна перестать это делать.

— Ей три года, Маэль.

— Тогда научится.

— Ты не видел ее сегодня! Она считает их друзьями!

В голосе матери снова появился ужас.

— Значит, перестанет считать.

Аста перестала дышать.

— Что ты хочешь сделать?

Ответ отца прозвучал так тихо, что она едва расслышала.

— Сделать так, чтобы она сама их боялась.

Долгая пауза.

— Пока боится — не станет звать.

— Она же ребенок.

— Зато останется живым ребенком.

Больше Аста не слушала. Она медленно отошла от двери.

Вернулась в комнату. Забралась на кровать. С головой накрылась одеялом.

Бояться.

Наверное, именно этого от нее хотели. Она зажмурилась.

В углу комнаты что-то тихо шевельнулось. Аста оцепенела. Тень медленно скользнула по полу. Она натянула одеяло выше.

— Уходи, — прошептала Аста.

Тень остановилась.

— Уходи.

Она ждала. Сердце колотилось так сильно, что было больно. Через несколько секунд прохладный край темноты осторожно коснулся свисающей с кровати руки. Аста дернулась. Тень тут же отступила. Она замерла неподалеку. Не приближаясь. Не исчезая. Аста тихо заплакала. Тень осталась на ме-

сте. До самого утра.

— Леди?

Аста резко вдохнула.

— Леди, с вами все хорошо?

Перед ней стоял торговец леденцами. В руке он держал деревянный совок. Аста несколько секунд смотрела на него, не понимая, где находится. Потом услышала музыку.

Голоса.

Детский смех.

Столица.

Девочка, которая упала, уже не плакала. Она сидела у матери на руках и что-то жевала, прижавшись щекой к ее плечу.

— Да, — хрипло ответила Аста. — Простите.

Она отошла от прилавка. Воздух стал гораздо холоднее. Аста обхватила руками плечи и пошла быстрее.

В три года она не понимала почти ничего из услышанного той ночью. Позже отдельные слова обрели смысл. Инквизиция. Запретная магия.

Но одна вещь не требовала объяснений даже тогда. Мама испугалась ее. А папа решил, что лучший способ спасти дочь — научить ее бояться самой себя. Аста знала, зачем они это сделали.

Знала уже давно. Но от этого память о поднятой материнской руке не становилась мягче. Она свернула с шумной ули-

цы в узкий переулок. Здесь музыка почти стихла. Высокие стены закрывали солнце, и по брусчатке ложились длинные предвечерние тени.

Аста остановилась. Посмотрела вниз. Ее собственная тень лежала у ног совершенно неподвижно.

Перед глазами на мгновение возник Никос. Маленький палец. Темная полоса, осторожно обогнувшая его. А потом совсем другое воспоминание. Черный кот на краю старой кровати.

Киса.

Аста медленно опустила руку. Несколько секунд ничего не происходило. Потом край ее тени дрогнул. Тонкая полоса отделилась от темного силуэта и поползла по камням. Аста не отступила. Тень поднялась по краю юбки. Замерла возле ее ладони. Будто ждала. Аста смотрела на нее. Сердце билось быстро. Страх никуда не исчез.

Но теперь рядом с ним было что-то еще. Она медленно повернула ладонь. Тень осторожно обвилась вокруг запястья. Аста закрыла глаза и не отдернула руку.

Глава 11

Дом, который семья снимала после переезда в столицу, был небольшим, двухэтажным и немного тесным для пяти человек. На первом этаже находились кухня и гостиная, разделенные широким дверным проемом, поэтому запах еды почти всегда добирался до старого дивана у стены и кресла возле окна. Посреди гостиной лежал выцветший ковер, давно превратившийся во владения Никоса: деревянные кубики, лошадки и прочие сокровища редко задерживались в отведенной им корзине дольше нескольких минут.

Деревянная лестница у дальней стены вела наверх, к спальням. Ступени поскрипывали, и семья быстро выучила, какая именно выдаст человека, пытающегося спуститься ночью незаметно. Мебель была разной: часть досталась вместе с домом, что-то Маэль починил, а несколько вещей сделал сам. На подоконнике стояли горшки с травами Ларен, на спинке кресла почти всегда висело забытое кем-нибудь покрывало, а возле стены обнаруживались игрушки Никоса, сколько бы Тиана ни пыталась поддерживать порядок.

Дом не был красивым. По крайней мере, не той безупречной столичной красотой, к которой Аста никак не могла привыкнуть.

Зато здесь все имело привычное место. Чашка Маэля. Корзина с шитьем матери. Детские вещи. Книги Асты, кото-

рые постепенно захватывали любую свободную поверхность.

Здесь было тесно. Шумно. Иногда слишком шумно.

И все-таки это был дом.

Тиана прислонилась плечом к дверному косяку, стараясь не шуметь. На выцветшем ковре посреди гостиной Аста лежала на спине и смеялась.

По-настоящему. Без привычной усмешки, без прищуренных глаз и готовой колкости на языке.

Никос с победным визгом вскарабкался ей на живот и обеими руками вцепился в длинные светло-русые волосы.

— Эй, мой маленький лорд, пощади. — Аста попыталась освободить прядь. — Ты оставишь своего верного рыцаря без волос.

Никос захохотал и потянул сильнее.

— Ах так?

Аста перехватила его пухлые ручки и принялась целовать пальчики. Малыш заверещал от восторга. Тиана улыбнулась. Такая Аста появлялась редко.

Иногда Тиане казалось, что существует две ее сестры. Одна — молчаливая, настороженная, всегда готовая защищаться. Другая — вот эта, лежащая на старом ковре и позволяющая ребенку безнаказанно таскать себя за волосы.

Никос обожал вторую. Впрочем, первую он тоже обожал. Для него разницы не существовало.

— Предатель, — шепнула Тиана сыну.

Никос услышал ее голос и немедленно обернулся.

— Ма!

— Вот теперь вспомнил, что у тебя есть мать?

Он радостно замахал руками. Аста приподняла голову.

— Не подходи. Я его почти победила.

— Судя по твоим волосам, победитель уже определился.

— Это временная стратегическая неудача.

Тиана рассмеялась. Никос снова навалился на Асту всем телом. Тиана смотрела на них и думала, что ради этого стоило приехать в столицу. Здесь Никос ел досыта. Спал в теплой комнате. По ночам Тиана больше не просыпалась от холода, чтобы проверить, не отсырело ли его одеяло. Этого было достаточно.

Когда-то Рен сказал бы, что ей всегда мало. Она до сих пор помнила тот вечер.

Муж сидел возле печи, положив локти на колени, а между ними стояла почти собранная сумка.

— Нам много не надо, Тиана.

Она затягивала ремень и не смотрела на него.

— Тебе.

— Нам.

— Нет, Рен.

Он долго молчал. Потом тихо спросил:

— Ты правда уйдешь?

Тиана посмотрела на колыбель. На темное пятно сырости над ней. Зимой оно становилось почти черным.

— Да.

— Из-за денег?

— Из-за Никоса.

Рен вздрогнул, словно она ударила.

— Я его отец.

— Тогда ты должен понимать.

— Что именно? Что наш дом недостаточно хорош для тебя?

— Что он кашляет каждую ночь.

— Я найду работу.

— Ты говоришь это третий месяц.

Рен отвернулся. Тогда Тиана увидела в его лице не мягкость, за которую когда-то его полюбила, а усталость. Наверное, он тоже боялся. Просто боялся иначе.

— Главное, что мы вместе, — сказал он.

Когда-то этих слов ей действительно хватало. После рождения Никоса — перестало. Тиана собрала вещи. Рен назвал ее алчной. Она назвала его слабым. Позже ей было стыдно за эти слова. Но назад она не вернулась.

Хлопнула входная дверь. Воспоминание исчезло.

Аста перестала смеяться первой. Никос, не замечая перемены, продолжал возиться с ее волосами. В прихожую вошла Ларен.

Она выглядела измученной. Лицо посерело после рабочего дня, под глазами залегли тени. В одной руке мать держала корзину с продуктами, другая машинально растирала поясницу.

Тиана сразу выпрямилась.

— Мам, давай сюда.

Она подошла, но Ларен уже поставила корзину на стол. Взгляд матери скользнул по гостиной. По разбросанным кубикам. По Асте на полу. По невымытой посуде на кухне. Ларен закрыла глаза. На секунду.

— Снова валяетесь на полу?

Улыбка исчезла с лица Асты. Она села и поправила платье. Тиана это заметила. Как всегда. Всего одна фраза — и сестра будто захлопнула дверь.

— Никос играл, — сказала Тиана.

Ларен посмотрела на кухню.

— А посуда с обеда тоже играла?

— Я сейчас вымою.

— Сейчас.

— Всегда «сейчас».

— Мама.

— Я весь день слушаю чужих детей, потом возвращаюсь домой и вижу это.

Тиана медленно вдохнула.

— Никос только недавно проснулся.

— Никос всегда либо недавно проснулся, либо скоро должен уснуть.

Аста поднялась.

— Я помогу Тиане.

Ларен резко повернула голову.

— Тебя никто не просил.

Аста замолчала. В ее глазах что-то изменилось. Тиана увидела это и поспешно вмешалась:

— Я сама справлюсь.

— Вот именно. Сама.

Ларен перевела взгляд на старшую дочь.

— Тебе пора привыкать.

Тиана напряглась. Она уже знала, что последует дальше.

— К чему?

— К тому, что никто не обязан содержать тебя всю жизнь.

— Я этого и не прошу.

— Правда?

Мать указала на кухню.

— Твой отец работает с утра до темноты. Я работаю. А ты сидишь дома.

Тиана побледнела.

— Я воспитываю ребенка.

— Я вырастила двоих.

— И оставляла Асту в трехлетнем возрасте одну дома, чтобы выйти на работу, говоря, что нет другого выбора.

Ларен замерла.

Тиана тут же пожалела о сказанном. Но поздно.

— У тебя тоже его нет, — тихо ответила мать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Ты бросила мужа, — продолжила Ларен уже спокойнее. — Решила, что справишься без него. Хорошо. Тогда

справляйся.

— Мама, хватит, — вмешалась Аста.

Мать повернулась к ней.

— А тебя это вообще не касается.

— Она твоя дочь.

— Именно поэтому я с ней разговариваю.

— Разговариваешь?

Аста коротко усмехнулась.

— Интересное название.

— Аста.

В голосе Ларен прозвучало предупреждение.

Никос завожился на руках у сестры. Тиана протянула к нему руки.

— Дай мне.

Аста не сразу отпустила малыша. Тиана едва заметно покачала головой.

Не надо.

Сестра поняла. Передала Никоса и отступила. Ларен устало потеряла переносицу.

— Завтра надень зеленое платье, которое я тебе перешила.

Тиана нахмурилась.

— Зачем?

— Пройдись по рынку.

— Мама.

— Что «мама»?

— Ты хочешь, чтобы я искала мужа между мясными рядами?

Ларен поджала губы.

— Я хочу, чтобы ты перестала делать вид, будто время будет ждать тебя вечно.

Тиана почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

— Мне не нужен муж.

— Ты одна с ребенком.

— Я не одна.

Ларен оглядела комнату.

— Пока.

Одно слово. Тиане стало холодно. Мать тут же отвела взгляд. Будто сама услышала, как оно прозвучало. На мгновение ее рука сжалась на краю стола.

— Я просто хочу, чтобы у тебя было будущее, — произнесла она наконец.

Тиана ничего не ответила.

— А ты, Аста... — Ларен повернулась к младшей дочери, словно торопясь уйти от предыдущей темы. — Не держи ребенка на холодном полу.

— Здесь ковер.

— Хватит смотреть на меня так.

Аста закрыла рот.

Тиана увидела, как ее пальцы сжались в кулаки. Но сестра промолчала. Развернулась и вышла из комнаты. Через несколько секунд наверху тихо закрылась дверь.

Ларен осталась стоять возле стола.

Злость как будто ушла вместе с Астой. Осталась только усталость. Тиана посмотрела на руки матери. На костяшке большого пальца кожа треснула и покраснела. Такая же трещина была и на другой руке.

— Дай корзину, — сказала Тиана.

— Я сама.

— Мам.

Ларен сопротивлялась еще секунду, потом отпустила ручку. Корзина оказалась тяжелой.

— Что ты туда положила?

— Муку. Картофель. Немного мяса.

Тиана заглянула внутрь.

— Мясо?

— На рынке было недорогое.

— Ты же говорила, что до конца недели...

— Было недорого, — повторила Ларен.

Тиана посмотрела на нее. Мать уже отворачивалась.

— Иди умойся, — тихо сказала Тиана. — Я все сделаю. Отец скоро придет.

Ларен кивнула. Сделала несколько шагов. Потом остановилась.

— Зеленое платье тебе идет.

Тиана моргнула.

— Что?

— Я хорошо его перешила. Оно тебе идет.

Ларен не обернулась.

— Я знаю, мама.

Мать ушла.

Тиана еще некоторое время стояла посреди кухни с Никосом на одной руке и тяжелой корзиной в другой. В раковине действительно ждала посуда. Она поставила корзину на стол. Никос потянул ее за ворот платья.

— Да, мой хороший.

Тиана поцеловала его в висок. Потом посмотрела на лестницу, по которой ушла Аста. Ей хотелось подняться. Постучать. Сказать сестре, что мать не имела в виду половину того, что сказала. Но Тиана знала: иногда объяснение только причиняло новую боль.

Она переложила Никоса на другое бедро и открыла корзину. Сверху лежал небольшой сверток. Тиана развернула ткань. Внутри оказался кусочек медового пирога. Всего один. Она застыла. Ларен знала, что Тиана его любит. Несколько секунд она смотрела на пирог.

Потом тихо завернула его обратно.

— Когда ты вырастешь, — прошептала она Никосу, — я постараюсь говорить тебе хорошие вещи вслух.

Малыш схватил ее за нос. Тиана невольно рассмеялась.

— Да. Начнем хотя бы с этого.

Глава 12

Если ему придется рассмотреть еще один образец красного шелка для праздничных шатров, он клялся всеми забытыми богами, что сожжет дворец дотла.

Принц сидел за массивным столом в своем кабинете, массируя виски.

Перед ним высились горы пергаментов: списки гостей, жалобы гильдии виноделов, схемы рассадки на главном банкете, отчеты поставщиков и три образца ткани, которые, по мнению дворцового распорядителя, отличались друг от друга настолько существенно, что требовали личного решения наследника престола.

Никан смотрел на них уже несколько минут.

Все три были красными.

— Медный закат, — пробормотал он, ткнув пальцем в первый.

Потом во второй.

— Благородный багрянец.

В третий.

— И, разумеется, цвет мучительной смерти наследника престола от скуки.

Он отбросил образцы в сторону.

Наследнику полагалось участвовать в подготовке к величайшему торжеству королевства. Никан участвовал с энту-

зиязмом приговоренного к казни. Воздух в кабинете был душным, а в голове гудело от недосыпа. Он отшвырнул перо, откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Тихо скрипнула дверь.

Никан открыл глаза еще до того, как почувствовал запах роз и медовой воды.

— Ты слишком много работаешь, мой мальчик.

Аталия вошла без сопровождения. Безупречная, как всегда. Никан медленно выпрямился.

— Вы пришли спасти меня от драпировок?

Королева окинула взглядом стол.

— Боюсь, даже моя власть не безгранична.

— Значит, слухи преувеличены.

Она рассмеялась. Никан тоже улыбнулся и отодвинул ближайшую стопку бумаг, освобождая место.

— Долг обязывает.

— Долг, — повторила Аталия.

Она не села. Вместо этого подошла к столу и взяла верхний список гостей.

— Именно о нем я и хотела поговорить.

Никан проследил за ее пальцем, скользящим вдоль имен.

— Праздник Урожая — это не только музыка и вино. Он всегда напоминал людям о продолжении жизни. О будущем.

— Сейчас прозвучит что-то, что мне не понравится.

— Ты становишься проницательным.

Королева положила список на стол.

— Тебе пора серьезнее подумать о браке.

Никан прикрыл глаза.

— А я так надеялся на обсуждение налогов.

— Не драматизируй.

— Я еще даже не начал.

Аталия улыбнулась и присела в кресло напротив.

— Никто не требует, чтобы ты завтра же шел к алтарю.

Но присматриваться пора.

— Я присматриваюсь всю жизнь. Вы тщательно заботитесь о том, чтобы вокруг меня всегда было на что посмотреть.

— И ты жалуешься?

— Ни в коем случае.

Никан лениво потянулся за бокалом с водой.

— Просто не понимаю, почему вам внезапно понадобилось обсуждать это сегодня.

— Потому что я изучила список гостей.

Он остановился.

— Разумеется.

— Возьмем, например, леди Изольду из Восточного удела.

Никан вздохнул.

— И что с ней?

— Кроткая. Хорошо воспитанная. Прекрасная семья.

— Уже захватывающе.

— Ее мать вчера пила со мной чай.

Никан сделал глоток.

— И?

— Очень милая женщина. Беспокоится за дочь.

Аталия улыбнулась.

— Представляешь, Изольда до сих пор спит с зажженной свечой. В детстве ее напугала собака, и с тех пор она боится темноты.

Никан поставил бокал. Ему уже не хотелось пить.

— Как полезно знать.

Королева будто не заметила перемены в его голосе.

— Она чувствительная девушка.

— Судя по всему, ее мать тоже.

— О, матери всегда знают своих детей лучше всех.

Никан посмотрел на лежащий перед ним список. Изольду он встречал несколько раз. Темноволосая. Очень тихая. Кажется, любила музыку. Теперь при следующей встрече он будет знать, что взрослая женщина боится оставаться ночью без света. Она ему этого не рассказывала. И, скорее всего, никогда бы не рассказала.

— А еще у нее прелестная родинка в форме полумесяца, — продолжила Аталия. — На внутренней стороне левого бедра.

Пальцы Никана замерли на ножке бокала. Он медленно поднял глаза.

— Зачем мне это знать?

Королева слегка удивилась.

— Ты рассматриваешь возможную будущую жену.

— Я рассматриваю список гостей.

Никан откинулся на спинку кресла. Почему-то хотелось вытереть руки.

— Следующая кандидатка?

Аталия внимательно посмотрела на него.

— Тебе неприятен разговор?

— Мне скучно.

— Разумеется.

Улыбка стала чуть шире.

— Тогда попробуем кого-нибудь поинтереснее. Валерис.

Имя заставило Никана вспомнить Королевские сады.

— Что с Валерис?

— Красавица.

— Она была бы счастлива это услышать.

— Она прекрасно знает.

Аталия взяла со стола один из образцов шелка и пропустила ткань между пальцами.

— Ее семья сейчас переживает не лучшие времена.

Никан посмотрел на мать.

— Насколько не лучшие?

— Ее отец просил отсрочить несколько выплат.

— И вы дали?

— Конечно.

Ответ прозвучал так легко, словно речь шла о еще одной чашке чая.

— Как великодушно.

— Я стараюсь.

Аталия снова провела пальцами по ткани.

— Девочка очень хочет произвести впечатление на празднике.

— Как и половина дворца.

— Валерис хочет сильнее.

Никан помолчал. Перед глазами неожиданно появилась сама Валерис — уверенная, безупречно одетая, всегда знающая, под каким углом повернуть голову. А теперь к этому образу навсегда приклеился отец, просивший отсрочку по долгам.

Он снова знал больше, чем хотел.

— Вы довольно много рассказываете мне о людях, которые сами здесь не присутствуют.

Аталия положила шелк обратно.

— Ты мой сын.

— Это дает мне право знать их долги?

— Если одна из этих девушек однажды станет твоей женой — безусловно.

— А родинки?

Она рассмеялась.

— Никан.

— Я просто уточняю границы полномочий наследника.

— Границы?

Королева произнесла слово так, словно оно показалось ей

забавным. Затем протянула руку через стол и накрыла его пальцы своими. Кожа у нее была прохладной.

— Ты однажды станешь королем. Тебе придется знать людей.

— Возможно, иногда стоит позволять им самим решать, что о себе рассказывать.

Аталия перестала улыбаться. Всего на мгновение. Так быстро, что другой мог бы не заметить.

Никан заметил.

— Какая неожиданно сентиментальная мысль.

— Праздничные драпировки размягчают характер.

Она снова улыбнулась.

— Не переживай. Я не стану сегодня выбирать тебе жену.

— Какое облегчение.

— Но присмотришься к ним на празднике.

Аталия поднялась.

— К Изольде. К Валерис. К остальным.

Она поправила складку на рукаве.

— В конце концов, брак — это слишком важная вещь, чтобы выбирать вслепую.

Никан посмотрел на нее.

— А вы предпочитаете знать заранее все.

— Конечно.

Королева подошла к двери. У самого порога остановилась.

— Не люблю закрытых дверей.

Она сказала это с улыбкой. Будто речь по-прежнему шла

о браке.

Дверь закрылась.

Несколько секунд Никан не двигался. Потом посмотрел на собственную руку. Туда, где лежали пальцы матери. Он провел ладонью по ткани брюк.

Раз.

Потом еще раз.

Не помогло.

Никан резко поднялся и подошел к окну. Расстегнул верхнюю пуговицу рубашки. Потом следующую. Воздуха все равно не хватало. Он распахнул створки. С улицы ворвался прохладный ветер, поднял края пергаментов и сбросил один из образцов красного шелка на пол. Никан не стал его поднимать.

Не люблю закрытых дверей.

Внизу кипела подготовка к празднику. Слуги развешивали гирлянды, стражники проверяли ворота, по двору катили бочки с вином. Сотни людей. У каждого свои страхи. Долги. Неловкие воспоминания. То, о чем они говорили только близким. То, о чем, возможно, вообще никому не говорили. И почему-то слишком многое из этого рано или поздно оказывалось известно его матери.

Никан оперся ладонями о подоконник. В голове всплыло лицо Изольды. Потом Валерис.

И неожиданно — серо-голубые глаза.

Аста.

Он нахмурился. Что он вообще о ней знал? Работает переводчиком. Любит сладкое. Не любит толпу. У нее есть сестра и племянник.

Все это можно было выяснить за несколько часов. Он уже однажды так и сделал. Отправил человека узнать ее имя, семью, место работы. Тогда это казалось совершенно естественным. Теперь почему-то — нет.

Никан медленно выпрямился. Он не знал, чего Аста боится. Не знал, почему королевский подарок заставил ее побледнеть. Не знал, что произошло с ней в то утро. Не знал, почему тени возле нее иногда двигались неправильно. И ему не захотелось послать кого-нибудь выяснить.

Мысль оказалась неожиданной.

Почти неудобной. Он мог узнать. Достаточно было одного приказа. Несколько вопросов. Пары людей, умеющих слушать там, где их не замечают.

Никан посмотрел на город. Потом на лежащий на столе список гостей. И ничего не приказал.

Впервые в жизни ему захотелось, чтобы человек рассказал о себе сам.

Глава 13

Праздник Урожая обрушился на столицу морем огней, музыки и пьянящих ароматов. Главная площадь перед дворцом исчезла под золотыми и багровыми полотнищами. Между колоннами горели сотни фонарей, музыканты на возвышении настраивали инструменты, а над толпой плыл запах печеных яблок, пряностей и горячего меда.

Аста стояла перед небольшим мутным зеркалом в своей спальне и почти не узнавала собственное отражение.

Платье отец купил на часть королевских денег. Когда Аста узнала об этом, они едва не поссорились. Маэль только отмахнулся.

— Хоть раз позволь отцу сделать что-нибудь для дочери. Теперь она смотрела на результат и не знала, что сказать.

Платье было цвета глубоких сумерек — того короткого мгновения, когда дневной свет уже угас, а ночь еще не наступила. По ткани были рассыпаны мелкие прозрачные камни, вспыхивающие при движении.

Аста осторожно повернулась перед зеркалом.

— Потрясающе, — выдохнула Тиана из дверей.

— Слишком.

— Именно настолько, насколько нужно.

— Я похожа на праздничный шатер.

Тиана фыркнула.

— Если праздничные шатры сегодня выглядят так, я переселяюсь на площадь.

Аста невольно улыбнулась. И тут увидела за спиной сестры мать. Улыбка исчезла. Ларен вошла в комнату с темно-синей бархатной коробкой в руках. Аста посмотрела на нее. Потом на коробку. Внутри все сжалось.

— Сегодня Праздник Урожая.

— Я знаю.

Ларен подошла к столу и открыла крышку. На белом шелке лежало серебряное ожерелье. Переплетающиеся ветви холодно блеснули в свете лампы.

— Ее Величество лично прислала его тебе.

Аста не ответила.

— Ты должна надеть.

— Я не хочу.

Слова вырвались прежде, чем она успела их остановить. Ларен подняла глаза. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. После последней ссоры в доме установилось хрупкое перемирие. Никто больше не говорил об ожерелье. Никто не спрашивал, почему коробка все эти дни лежит закрытой. Аста надеялась, что так и останется.

— Всего на один вечер, — сказала Ларен.

Голос прозвучал устало, а не сердито. От этого отказаться почему-то стало сложнее.

— Мама...

— Люди знают, что это королевский подарок.

Аста напряглась.

— Кто?

— Гонец приезжал среди бела дня. Соседи видели повозки. На празднике будут люди, которые знают.

Ларен осторожно достала ожерелье.

— Если ты появишься без него, начнут спрашивать.

Это было хуже приказа. Потому что Аста понимала: мать права. По крайней мере, в этом. Она посмотрела на Тиану. Сестра явно хотела что-то сказать, но промолчала. Аста медленно повернулась к зеркалу и подняла волосы.

— Давай.

Ларен подошла сзади.

Щелк.

Холодный металл лег на кожу. Воздух мгновенно застрял где-то в горле. Аста схватилась пальцами за край туалетного столика.

Она уже знала это ощущение. На этот раз не даст ему застать себя врасплох. Медленно вдохнула носом. Выдохнула.

Еще раз.

Серебряные ветви казались тяжелее, чем могли быть. словно украшение тянуло голову вниз, заставляя опустить подбородок. Аста упрямо выпрямилась. В зеркале ее лицо побледнело.

— Слишком туго? — спросила Тиана.

— Нет.

Ларен встретила с дочерью взглядом через зеркало. На

мгновение в ее лице мелькнуло сомнение.

— Если станет плохо...

Она не закончила. Аста коснулась ожерелья кончиками пальцев.

— Я справлюсь.

Мать кивнула. Но Аста еще несколько секунд смотрела на свое отражение. Серебряные ветви действительно были прекрасны. И все равно больше всего напоминали ей ошейник.

К тому времени, когда семья добралась до дворцовой площади, праздник был в самом разгаре.

Дворце возвышался над площадью светлой громадой, слишком совершенной, чтобы казаться уютной. Белый камень стен почти сиял в свете сотен фонарей, высокие окна вытягивались ровными рядами, а широкая лестница поднималась к массивным дверям между высоких колонн. От главного корпуса в стороны уходили длинные дворцовые крылья и открытые галереи, украшенные резными балюстрадами. Над ними колыхались темно-синие знамена Короны. Днем дворец, наверное, выглядел величественно. Сейчас, залитый золотым светом, он казался почти сказочным. И все же Аста никак не могла избавиться от ощущения, что бесчисленные темные окна смотрят на площадь так же внимательно, как дворцовая стража.

Она почти сразу пожалела, что пришла.

Людей было столько, что невозможно было сделать

несколько шагов, не задев чье-нибудь плечо. Повсюду мелькали драгоценности, шелк и пышные перья. Музыка смешивалась с голосами, смехом и звоном бокалов.

— Не отставай, — бросила Ларен через плечо.

— Постараюсь.

Аста держалась рядом с Тианой, пока толпа не стала плотнее. Ожерелье давило на шею. Она снова сделала медленный вдох. И увидела Элару.

Та стояла возле стола с напитками в персиковом платье и спорила с каким-то молодым человеком в форме дворцовой стражи.

Аста прищурилась. Широкие плечи. Темные волосы.

— Кормак, — пробормотала она.

— Что? — спросила Тиана.

— Ничего. Я нашла Элару.

— Иди.

Аста благодарно улыбнулась сестре и почти сразу исчезла в толпе. Элара заметила ее на полпути. Открыла рот. Закрыла. Потом снова открыла.

— Нет.

Аста остановилась.

— Что «нет»?

— Ты не имеешь права приходить сюда вот так после того, как я три часа пыталась уложить волосы.

Аста рассмеялась.

— Очень рада тебя видеть.

— Ты...

Элара обошла ее кругом.

— Повернись.

— Даже не думай.

— Аста!

Подруга снова посмотрела на нее и неожиданно посерьезнела.

— Ты правда очень красивая.

Аста почувствовала себя неловко.

— Это платье.

— Конечно. Я ежедневно встречаю десятки таких же лиц в архиве.

— Замолчи.

Элара довольно улыбнулась. Потом ее взгляд опустился к серебру на шее.

— Это подарок королевы?

Аста машинально коснулась ожерелья.

— Да.

— Красивое.

— Очень.

Элара посмотрела на нее внимательнее.

— Тебе неудобно?

— Просто тяжелое.

— Хочешь, найдем где-нибудь тихое место?

На этот раз улыбка Асты была искренней.

— Вот поэтому ты моя любимая подруга.

— Единственная?

— Не льсти себе.

Элара взяла ее под руку.

— Сначала пунш.

— Сначала еда.

— Разумеется.

Они успели сделать несколько шагов.

Навстречу им шла Валерис. Золотая парча переливалась в свете фонарей, изумрудная вышивка казалась почти черной. Платье сидело безупречно. Аста невольно вспомнила разговоры Элара о примерке.

К празднику все должно быть идеально.

Если именно этого Валерис добивалась, ей удалось.

— Валерис, — радостно сказала Элара. — Ты потрясающе выглядишь!

— Спасибо, дорогая.

Валерис улыбнулась ей. Потом посмотрела на Асту. На мгновение улыбка застыла. Совсем чуть-чуть, но Аста заметила.

— Какое интересное платье.

— Спасибо.

Валерис приблизилась.

— Не ожидала увидеть тебя в чем-то настолько...

Она выдержала паузу.

— ...заметном.

— Я тоже.

Элара фыркнула. Валерис перевела взгляд на мелкие камни, рассыпанные по ткани.

— Красиво блестят.

Она осторожно коснулась одного из них пальцем.

— Хрусталь?

— Понятия не имею.

Этот ответ явно сбил ее с толку.

— Ты даже не знаешь?

— Отец покупал.

— Как мило.

Валерис улыбнулась.

— Наверное, для него это было серьезное приобретение.

Элара нахмурилась. Аста тоже услышала то, что скрывалось за словами. Еще неделю назад она бы уже приготовила ответ. Сегодня сил на это почти не осталось. Серебро давило. Вокруг было слишком шумно.

— Да, — просто сказала она. — Было.

Валерис моргнула. Аста посмотрела на собственное платье.

— Поэтому оно мне особенно дорого.

На лице Валерис что-то изменилось. Будто удар, к которому она приготовилась, так и не последовал.

— Я не хотела...

— Знаю.

И Аста действительно не была уверена, что Валерис сама понимала, чего хотела.

— Леди.

Все трое обернулись.

Никан стоял рядом. На нем был черный парадный мундир с серебряным шитьем. Ни вина, ни привычной компании придворных девушек поблизости не было. Его взгляд сначала скользнул по Эларе. Потом по Валерис. И остановился на Асте.

На ее шее.

Улыбка исчезла. Всего на мгновение. Аста заметила.

— Ваше Высочество. — Валерис первой присела в реверансе.

Элара последовала за ней. Аста сделала то же самое. Когда она выпрямилась, Никан все еще смотрел на ожерелье.

— Значит, подарок все-таки подошел, — произнес он.

Аста почувствовала, как пальцы сами сжались.

— Как видите.

Никан поднял взгляд к ее лицу. Ничего не сказал. Музыканты закончили быструю мелодию. Площадь наполнили первые звуки вальса. Никан повернул голову в сторону танцующих. Потом снова посмотрел на Асту.

— Потанцуете со мной?

Элара перестала дышать. Аста посмотрела на протянутую руку. Ранее она дважды ему отказала. Сегодня тоже собиралась.

Толпа.

Взгляды.

Его семья где-то наверху.

Ожерелье, которое с каждым часом будто становилось тяжелее.

Нет.

Она уже открыла рот. И вдруг вспомнила комнату в старом доме. Маленькую девочку, которая пряталась под одеялом, потому что взрослые решили научить ее бояться. Потом — собственную тень, обвившуюся вокруг запястья.

Аста посмотрела на ладонь Никана. Она весь день делала только то, чего от нее ждали. Надела платье. Надела ожерелье. Пришла на праздник. Улыбалась тогда, когда полагалось. Хотя бы одно решение сегодня могло принадлежать только ей.

Она вложила пальцы в его руку.

— Хорошо.

Брови Никана чуть поднялись.

— Хорошо?

— Не заставляйте меня передумывать.

Его губы дрогнули.

— Не посмею.

Он вывел ее к танцующим. Аста почти сразу пожалела о своем решении. Люди расступались. Конечно же, расступались. Никан был наследным принцем. Взгляды неизбежно потянулись следом.

— Я уже ненавижу это, — тихо сказала она.

— Мы еще даже не начали.

— Именно поэтому у вас остается шанс меня отпустить.

— Поздно.

Музыка вступила в первый круг. Никан положил ладонь ей на талию.

Аста положила руку ему на плечо.

— Вы умеете вальсировать?

Она посмотрела на него.

— Сейчас узнаем.

Никан замер.

— Вы серьезно?

— Я знаю шаги.

— Это не одно и то же.

— Уже боитесь за ноги, Ваше Высочество?

— Первый раз за вечер.

Аста невольно улыбнулась. Они двинулись. Первые несколько шагов прошли благополучно. Потом она чуть раньше повернула. Никан успел подхватить ее за талию.

— Ни слова, — предупредила Аста.

— Я ничего не сказал.

— Но подумали.

— Вы теперь еще и мысли читаете?

Она едва заметно вздрогнула. Совсем немного. Улыбка Никана исчезла. Аста тут же отвернулась.

— Неудачная шутка, — сказал он.

— Да.

Он не спросил почему. За это она была благодарна. Сле-

дующий поворот получился лучше. Потом еще один. Постепенно Аста поймала ритм.

— Вот видите, — сказала она. — Ваши ноги пережили встречу со мной.

— Праздник еще не закончился.

— Не искушайте судьбу.

Никан улыбнулся. Аста тоже. И только тогда заметила странную вещь. Ожерелье все еще давило. Но она перестала считать вдохи. Не потому, что оно стало легче. Просто на несколько минут ее внимание оказалось занято чем-то другим.

— Вы сегодня другая, — тихо сказал Никан.

Аста напряглась.

— Это платье.

— Нет.

Она подняла взгляд. Никан будто собирался продолжить, но передумал.

— А вы сегодня меньше говорите, — заметила она.

— Учусь.

— Полезный навык.

— Мне тоже так сказали.

Музыка продолжалась. Вокруг были сотни людей. Но Асте не хотелось немедленно исчезнуть. И это тревожило почти так же сильно, как серебро на ее шее.

С главного помоста Королева Аталия наблюдала за пло-

щадью. Рядом с ней кто-то говорил о поставках зерна из северных провинций. Она кивала в нужных местах. Улыбалась. Отвечала. И не выпускала из поля зрения сына.

Аталия много раз видела, как Никан танцует. Он делал это превосходно и обычно совершенно безразлично. Сегодня было иначе. Не из-за того, как близко он держал девушку. Не из-за улыбки. Он слушал ее.

Аталия чуть прищурилась.

Девушка в сумеречном платье сказала что-то. Никан ответил. Потом замолчал. И позволил говорить ей.

Интересно.

Взгляд королевы опустился ниже. К серебряному ожерелью. Она узнала собственный подарок.

— Ваше Величество?

Аталия повернула голову. Пожилой советник ждал ответа.

— Простите. Продолжайте.

Он снова заговорил о зерне. Королева слушала. Но теперь время от времени смотрела на девушку рядом с сыном.

Аста.

Переводчица из городского архива. Дочь Маэля. Несколько месяцев в столице. Ничего особенного. И все-таки Никан уже упоминал ее. Задавал вопросы о подарках. А теперь танцевал с ней на глазах у всего двора. Аталия провела большим пальцем по гладкому камню кольца.

Рядом с тронном стоял капитан личной гвардии.

— Капитан.

Мужчина тут же сделал шаг вперед.

— Ваше Величество.

— Семья Маэля.

— Да, Ваше Величество?

Аталия продолжала смотреть на танцующих.

— Они недавно прибыли с юга?

— Насколько мне известно.

— Узнайте, откуда именно.

Капитан слегка наклонил голову.

— Что вас интересует?

Аталия наконец посмотрела на него.

— Обычные вещи. Где жили. Чем занимались. Почему решились перебраться в столицу.

Она снова перевела взгляд на площадь.

— Родственники. Соседи. Все, что поможет нам лучше узнать новых подданных.

— Разумеется.

Капитан поклонился.

— И еще.

Он остановился.

— Сделайте это незаметно.

На этот раз пауза была едва ощутимой.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Он отошел. Аталия снова повернулась к советнику.

— Вы говорили о северном зерне.

Мужчина поспешно продолжил отчет. На площади закон-

чился вальс. Никан отпустил девушку. Аста сделала реверанс.

Королева улыбнулась.

Глава 14

Маэль стоял в тени высокой мраморной колонны, сжимая в мозолистых руках кубок с терпким вином. Высокий, широкоплечий, он и в праздничной одежде больше походил на человека, которому привычнее держать рубанок, чем кубок. В темно-русых волосах у висков уже проступала седина, а резкие складки возле глаз делали его старше, чем он был. Те же глаза достались Асте — только на лице отца они казались спокойнее и строже.

Он почти не пил. Его взгляд был прикован к центру площади. Там, среди света, музыки и сотен чужих лиц, танцевала его младшая дочь.

С наследным принцем.

Маэль медленно провел большим пальцем по неровному краю оловянного кубка. Он сам купил ей это платье. Ларен тогда сказала, что они могли обойтись чем-нибудь скромнее. Тиана, наоборот, едва не расплакалась от восторга, увидев ткань. Аста спорила дольше всех.

Мне это не нужно, папа.

Нужно.

Хотя бы один раз ему хотелось дать дочери что-нибудь красивое прежде, чем она успеет сказать, что может без этого обойтись.

Теперь сумеречная ткань мерцала при каждом ее движе-

нии.

Аста выглядела...

Маэль сглотнул.

Счастливой?

Нет.

Не совсем.

Но она улыбалась. Настоящей улыбкой. И от этого почему-то стало еще тревожнее. Его взгляд скользнул по тонким плечам дочери. По выступающим ключицам. По узкому запястью, лежавшему на плече принца.

Маэль отвел глаза.

Некоторые вещи не менялись. Сколько бы еды ни появлялось теперь на их столе, сколько бы монет ни лежало в кошельке, иногда ему все еще казалось, что он смотрит на последствия тех лет.

Холодный дом. Пустая кладовая. Ларен, молча делящая последнюю лепешку между девочками. Тиана, уверяющая, что не голодна. Маленькая Аста, которая верила ей и съедала ее половину.

Маэль сжал кубок сильнее.

Когда-то он возвращался домой с пустыми руками и старался не смотреть дочерям в глаза. Теперь мог позволить себе купить одной из них платье, достойное праздника во дворце.

Поздновато.

Но мог.

Он снова посмотрел на Асту. Никан что-то сказал. Она ответила. Принц рассмеялся. Маэлю стало холодно.

Рядом с ним две женщины тихо переговаривались, поглядывая в сторону танцующих.

— Это ведь дочь столяра, — произнесла одна.

— Переводчица из городского архива.

— Откуда ты знаешь?

— Все уже знают.

Маэль медленно повернул голову. Женщины не заметили его взгляда.

Все уже знают.

Вино внезапно стало горьким. Вот чего он боялся. Не танца. Не самого принца.

Внимания.

Слишком многих глаз, направленных в одну точку. Аста всю жизнь должна была оставаться незаметной. Так было безопаснее. Маэль усвоил это задолго до рождения дочерей.

Не спорить с теми, кто сильнее. Не привлекать внимания тех, кто богаче. Говорить «спасибо», даже когда благодарить не за что. Опускать голову прежде, чем тебя заставят.

Он ненавидел эти правила. И все равно научил им своих детей. Потому что они работали. Почти всегда. Аста так и не научилась опускать голову вовремя. Маэль смотрел, как она что-то говорит будущему королю, глядя ему прямо в лицо. Даже отсюда он видел этот взгляд.

Прямой. Упрямый. Слишком ее. В детстве она смотрела

так же.

— Почему?

Это было ее любимое слово. Почему нельзя идти к реке одной? Почему господину можно не платить мастеру вовремя? Почему Ларен должна кланяться женщине только потому, что та родилась в богатом доме? Почему тени плохие?

Последний вопрос они вытравили из нее быстрее остальных.

Маэль опустил глаза на вино.

До сих пор помнил ту ночь.

Ларен сидела на краю кровати, закрыв лицо руками.

— Она считает их друзьями.

Он тогда не знал, что ответить. Наутро уже знал. И иногда ненавидел себя за это до сих пор. Он снова посмотрел на дочь. На ее шее блеснуло серебро. Маэль замер.

Ожерелье королевы. Красивое. Дорогое.

Аста не хотела его надевать.

Он знал. Не спрашивал почему. После ее реакции на подарок вообще старался не спрашивать. Так было проще.

Ларен сказала, что дочь опять упрямится. Он согласился. Как соглашался слишком часто.

Теперь серебряные ветви холодно мерцали на тонкой шее Асты, и Маэлю вдруг захотелось, чтобы она сняла их. Прямо сейчас.

Мысль пришла неожиданно. Он нахмурился. Глупость. Это всего лишь украшение. Подарок королевы. Знак мило-

сти, о которой их прежние соседи не посмели бы даже мечтать.

Маэль сделал глоток вина.

Не помогло.

На площади Никан чуть наклонился к Асте, чтобы услышать ее слова сквозь музыку. Ничего неприличного. Обычный танец. Но люди смотрели. Вот это было неприлично опасно. Принц мог забыть ее завтра. Через неделю. После следующего праздника. Маэль почти надеялся именно на это.

Наследники престола не женились на дочерях столяров. По крайней мере, не в тех историях, которые заканчивались хорошо для дочерей столяров.

Маэль поднял взгляд выше. К королевскому помосту. Аталия сидела среди советников и придворных, сияющая в свете сотен свечей. Она слушала говорящего рядом мужчину. Потом ее взгляд скользнул к площади. К танцующим.

Маэль перестал дышать.

Всего мгновение. Может быть, она смотрела на сына. Конечно, на сына. На кого еще? Королева перевела взгляд на советника. Маэль заставил себя разжать пальцы. На стенке кубка остались небольшие вмятины. Он выругался про себя.

Успокойся.

Они переехали. Начали заново. Никто здесь не знал. Никто не видел трехлетнюю девочку в комнате, полной живых теней. Никто не слышал, как Ларен плакала той ночью. Ни-

кто не помнил фамилию его деда. Прошло слишком много лет. Он сделал все правильно. Они оба сделали. Именно поэтому Аста сейчас была здесь.

Живая.

В красивом платье. Танцевала на королевском празднике. Это должно было означать, что они победили.

Музыка закончилась. Никан отпустил Асту. Она сделала реверанс. Маэль почувствовал, как впервые за несколько минут воздух свободно вошел в легкие.

Все.

Просто танец.

Он уже собирался отойти от колонны, когда заметил движение возле королевского помоста.

Аталия что-то сказала капитану личной гвардии. Тот наклонился к ней. Королева произнесла еще несколько слов. Капитан поклонился.

Маэль застыл.

Он не мог услышать разговор. Не мог знать, о чем они говорили. На празднике было полно стражи. У королевы — десятки причин обращаться к своему капитану.

Маэль повторил это себе один раз. Потом второй.

На площади Аста снова смеялась над чем-то, что сказала Элара.

Маэль смотрел на дочь. И отчаянно захотел вернуть ее в тот маленький дом, который когда-то ненавидел. Запереть дверь. Задернуть шторы. Спрятать ее от каждого взгляда.

Он слишком хорошо знал цену внимания сильных мира сего. И сейчас на Асту смотрели слишком многие.

Глава 15

Никан давно научился танцевать, не замечая женщины в своих руках. Это было полезное умение. Улыбнуться. Поддержать разговор. Сделать поворот в нужный момент. Запомнить, кому уже обещал следующий танец. Не задержать ладонь ниже дозволенного. Не уделить одной девушке столько внимания, чтобы завтра половина двора решила, будто выбор будущей королевы уже сделан. Танец был политикой, положенной на музыку.

С Астой ничего не получалось правильно.

Во-первых, она действительно едва не наступила ему на ногу.

Во-вторых, вместо положенного смущения посмотрела так, будто виноват в этом был он.

В-третьих, Никан поймал себя на том, что совершенно не знает, кто сейчас наблюдает за ними. Это было уже опасно.

— Вы сейчас улыбаетесь, — заметила Аста.

— Мне иногда случается.

— Я думала, это часть придворного этикета.

— Обычно так и есть.

Она прищурилась.

— А сейчас?

Никан посмотрел на нее.

— Пока не решил.

— Какая трагедия. Надеюсь, советники помогут.

Он рассмеялся. Не тем коротким смешком, которым обычно отвечал на удачную реплику при дворе. По-настоящему.

Аста тоже улыбнулась.

И Никан неожиданно понял, что хочет снова услышать, как она заставляет его смеяться. Мысль была настолько простой, что почти озадачила. Он привык хотеть от людей вполне определенных вещей.

Верности.

Полезности.

Удовольствия.

Информации.

Иногда — тела.

От Асты ему вдруг хотелось еще одной глупой шутки.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Вы смотрите так, будто я только что призналась в государственной измене.

— Размышляю, стоит ли сообщить страже.

— Сначала дождитесь конца танца. Иначе придется искать новую партнершу.

Никан перевел взгляд через ее плечо. Валерис стояла неподалеку.

— Кандидатуры имеются.

Аста проследила за его взглядом.

— Не советую.

— Почему?

— Корсет.

Никан снова посмотрел на нее. Лицо Асты оставалось совершенно серьезным.

— Что с ним?

— Еще немного, и вам придется объяснять королеве, почему одна из ее придворных дам потеряла сознание посреди праздника.

— Вы беспокоитесь о Валерис?

— О фонтане. Она упадет именно туда. Я чувствую.

Никан представил это. И окончательно проиграл. Смех вырвался прежде, чем он успел его остановить. Аста тоже засмеялась — тихо, почти виновато, будто сама не ожидала, что шутка окажется настолько удачной.

Несколько человек рядом обернулись. Никан заметил их взгляды. Ему было все равно. Потом он снова посмотрел на Асту. И вот тогда стало хуже. Потому что она была красивой. Разумеется, он заметил это еще в архиве.

Но там красота Асты существовала отдельными деталями: странные серо-голубые глаза, слишком светлая кожа, волосы, которые она постоянно убирала с лица раздраженным движением.

Сегодня все это сложилось вместе.

Сумеречная ткань подчеркивала тонкую фигуру. Рассыпанные по ней камни вспыхивали при каждом повороте.

Несколько прядей выбились из прически и лежали на обнаженных плечах.

Аста снова подняла на него глаза. Никан сбился с мысли. Такого с ним не случалось. Он перевел взгляд ниже. И увидел серебро.

Ожерелье. Почему-то раздражение пришло мгновенно.
— Оно все еще мешает?

Аста напряглась.

— Что?

Никан едва заметно кивнул на ее шею.

— Ожерелье.

Она машинально коснулась серебряной ветви.

— С чего вы взяли?

— В архиве вы побледнели, когда вспоминали о нем. Сегодня периодически трогаете. И первые минуты танца считали вдохи.

Ее пальцы остановились. Никан понял, что сказал слишком много.

— Вы за мной наблюдали?

Вопрос прозвучал спокойно. Но улыбка исчезла. Еще несколько недель назад он бы ответил что-нибудь вроде трудно не наблюдать. Сейчас почему-то не захотелось.

— Да.

Аста моргнула. Кажется, прямого ответа она не ожидала.

— Зачем?

Вот на этот вопрос ответа у него не было. По крайней мере

такого, который можно было произнести посреди дворцовой площади.

— Не знаю.

Она изучала его лицо.

— Вы сегодня подозрительно честны.

— Это пройдет.

Уголок ее рта дрогнул. Но руку от ожерелья она убрала.

— Оно просто тяжелое.

Ложь. Никан почти не сомневался, но не стал выяснять дальше.

— Хорошо.

Теперь удивилась она.

— Обычно после моего ответа вы задаете еще три вопроса.

— Я исправляюсь.

— Не верю.

Музыка ускорилась. Никан повел ее в следующий поворот. Теперь Аста уже не сбивалась. Она двигалась увереннее, и ему пришлось признать, что ее первоначальное заявление о знании шагов было не совсем ложью. Когда она вернулась к нему после поворота, расстояние между ними на мгновение стало меньше.

Слишком маленьким. Никан почувствовал запах ее волос. Что-то легкое. Не духи. Мыло, возможно. И тепло кожи. Он замер всего на долю секунды. Аста этого не заметила. Или сделала вид.

Его ладонь лежала у нее на талии. До этого это было просто правильным положением руки в танце. Теперь перестало быть. Никан вдруг слишком отчетливо почувствовал тонкую ткань под пальцами.

Линию ее тела.

Близость.

Дыхание.

Он посмотрел на ее рот.

Это было ошибкой.

Аста как раз собиралась что-то сказать и слегка приоткрыла губы. Никан перестал слышать музыку. Желание пришло резко. Без всякой красивой поэзии. Ему захотелось наклониться и поцеловать ее.

Прямо здесь и сейчас.

Аста замолчала. Ее глаза расширились. И она едва заметно отклонилась назад. Этого хватило. Никан остановился. Не потому, что вспомнил о приличиях. Потому что вспомнил о ней. Он ослабил руку на ее талии. Оставил между ними чуть больше пространства. Аста несколько секунд смотрела на него.

— Что вы делаете?

— Пытаюсь не совершить глупость.

— У вас получается?

Никан посмотрел на ее губы. Потом заставил себя поднять глаза.

— С переменным успехом.

На щеках Асты появился румянец. На этот раз не от танца. Она отвернулась. И Никан неожиданно почувствовал почти мальчишеское удовлетворение. Значит, не только он. Эта мысль оказалась опаснее предыдущей.

— Не радуйтесь так, — пробормотала Аста.

— Я ничего не сказал.

— У вас лицо говорит.

— И что оно говорит?

Она снова посмотрела на него.

— Что ваше самомнение только что стало еще невыносимее.

— Наконец-то вы начинаете меня понимать.

— Это моя главная трагедия.

Никан улыбнулся. Музыка подходила к концу. Странное сожаление кольнуло неожиданно. Еще несколько минут назад он не думал о том, когда закончится танец. Теперь хотелось, чтобы музыканты ошиблись и начали все сначала. Но последние аккорды уже прозвучали.

Никан остановился. Его рука покинула талию Асты. Она отступила. Совсем немного. И почему-то это маленькое расстояние между ними ощущалось сильнее, чем вся предыдущая близость.

Аста сделала реверанс.

— Благодарю за танец, Ваше Высочество.

Формально. Правильно. Словно последние несколько минут ничего не произошло. Никан поклонился.

— Леди Аста.

Она развернулась.

— Аста.

Девушка остановилась. Оглянулась.

Никан хотел сказать что-нибудь остроумное. Или пригласить ее на второй танец. Или спросить, почему она боится ожерелья. Или сделать еще десяток вещей, которые привык делать просто потому, что мог. Вместо этого сказал:

— Если захотите снять его — снимите.

Ее лицо изменилось. Совсем немного.

— Что?

Никан кивнул на серебро.

— Это подарок. Не приговор.

Аста долго смотрела на него.

Потом ушла.

Никан остался стоять посреди площади. Вокруг снова появились люди. Голоса. Музыка. Кто-то уже приближался к нему — кажется, дочь одного из северных герцогов. Обычный праздник вернулся на свое место.

Но Никан смотрел вслед Асте. Ему все еще хотелось поцеловать ее. Это было понятно. Гораздо хуже было другое. Ему хотелось, чтобы она сама однажды захотела вернуться.

Глава 16

Аста успела сделать всего несколько шагов.

Это подарок. Не приговор.

Слова Никана почему-то не выходили из головы.

Легко ему говорить. Он не видел лица Ларен, когда та застегивала серебро на ее шее. Не слышал про соседей, гонца и вопросы, которые обязательно начнут задавать. Не знал, что некоторые подарки нельзя просто снять.

Аста подняла руку к ожерелью. И замерла.

Серебро стало горячим. Не постепенно. Мгновенно.

Она судорожно вдохнула. Ветви сжались на шее. Аста дернула подбородком вверх.

Только не здесь.

Вокруг смеялись люди. Музыканты уже готовились начать следующую мелодию. Где-то неподалеку Элара что-то говорила Кормаку. Никан все еще стоял позади.

Никто не должен заметить. Аста попыталась сделать еще шаг. Ожерелье сдавило сильнее. Перед глазами поплыло. Ей вдруг показалось, что площадь стала огромной, а сама она — маленькой. Слишком маленькой.

Не спорь.

Аста застыла. Голос прозвучал так ясно, что она почти обернулась. Но рядом никто этого не говорил.

Не привлекай внимания.

Сердце ударило о ребра.

Будь благодарна.

Она схватилась за серебро. На мгновение исчезла площадь. Исчезла музыка. Исчезло сумеречное платье.

Осталась маленькая комната в старом доме.

Ларен стоит перед ней на коленях. Лицо белое. Испуганное.

— Никогда больше.

Трехлетняя Аста плачет. Не понимает, что сделала. По стене за ее спиной ползет тень.

— Слышишь меня? Никогда.

Аста резко пришла в себя. Воздуха не хватало. Нет. Она не будет делать это здесь. Не перед сотнями людей. Не под взглядом королевы. Она увидела Элару. Подруга уже смотрела в ее сторону.

— Аста?

Аста отвернулась. Пошла быстрее.

— Аста!

Она не остановилась. Не могла. Еще немного — и победит. Только бы выйти с площади. Только бы исчезнуть из света. Она протиснулась между двумя мужчинами, задела плечом женщину в зеленом платье и даже не обернулась на возмущенный возглас. Серебро продолжало сжиматься.

Тише.

Аста едва не споткнулась.

Улыбнись.

— Нет, — прошептала она.

Ожерелье обожгло кожу. Аста зажала рот рукой, чтобы не закричать. И побежала.

На улицах было почти пусто. Весь город стекался ко дворцу, и Аста двигалась против редких групп запоздавших горожан. Несколько человек обернулись ей вслед. Девушка в дорогом платье, бегущая одна посреди ночи, наверняка выглядела странно. Ей было все равно.

Она дергала застежку ожерелья на ходу. Не поддавалась. Аста остановилась возле стены какого-то дома и попыталась просунуть пальцы между серебром и кожей. Ничего. Ветви прилегали слишком плотно. Еще несколько часов назад между ними свободно проходил палец. Теперь — нет. Паника поднялась выше. Аста дернула сильнее. Ноготь сломался. Она даже не почувствовала боли.

Склони голову.

— Пошло ты...

Серебро сдавило горло. Аста захрипела. На этот раз испуг оказался сильнее злости. Она побежала дальше. Дом. Ей нужен дом.

Закрытая дверь.

Шторы.

Стены.

Место, где никто не увидит. Она почти не помнила последние несколько улиц. Помнила только собственное дыхание. И шаги. И серебро. И обрывки мыслей, которые поче-

му-то звучали не ее голосом.

Не спорь.

Не смотри так.

Не будь неблагодарной.

С тобой слишком трудно.

Аста влетела в дом и захлопнула дверь. Темно. Тихо. Все еще на празднике. Хорошо. Она сделала два шага. И рухнула на колени. Пальцы снова вцепились в ожерелье.

— Снимись.

Она дернула застежку.

— Снимись!

Ничего.

— Пожалуйста...

Последнее слово сорвалось на всхлип.

Аста ненавидела себя за него. Она потянула серебро обеими руками. Боль полоснула по шее. На пальцах появилась кровь. Ожерелье не двигалось. Наоборот. Сдавило сильнее. Аста согнулась. Лбом почти коснулась пола.

Вот так.

Она замерла. Внутри что-то оборвалось. Не страх. Что-то другое. Тихое. Злое. Она слишком хорошо знала это положение.

Опущенная голова.

Ссутуленные плечи.

Молчание.

Так безопаснее.

Так правильно.

Так ее учили.

Вот так.

— Нет.

Получилось едва слышно. Серебро обожгло шею. Аста за-
жмурилась.

— Нет.

И тогда тени слышали. Первая выскользнула из-под шка-
фа.

Аста заметила движение краем глаза. Тонкая темная лен-
та поползла по половице. Потом вторая. Третья. Они при-
ближались к ней.

— Нет.

Теперь Аста испугалась по-настоящему. Не ожерелья. Их.

— Не надо.

Тени остановились. На мгновение ей показалось, что они
послушались. Потом серебро снова сжалось. Аста вскрикну-
ла. И дом взорвался Тьмой.

Ставни ударились о стены. Пламя в давно погасшем очаге
на мгновение вспыхнуло синим и исчезло. По комнате про-
катился ледяной ветер. Тени рванулись вверх. Аста закрыла
голову руками. Что-то разбилось. Потом еще. По стенам по-
полз иней.

— Нет! Нет, нет, нет!

Мрак клубился под потолком. Он был везде. Слишком
много. Аста никогда не видела столько.

Даже тогда. Особенно тогда. Ей снова было три года. Мать кричала. Отец стоял в дверях. А по стенам двигались тени.

Что с ней?

Аста не помнила, кто произнес эти слова. Может быть, никто. Но помнила другое.

Взгляд.

Так смотрят на то, чего не должно существовать. Она прижалась спиной к стене.

— Уберите...

Тени метнулись по комнате.

— Уберите!

Ничего. Они не слушались. Конечно. Почему должны? Она чудовище. Вот оно. Вот то, чего все боялись. Не странность. Не проклятая кровь. Не детская игра.

Это.

Дом дрожал вокруг нее. Тарелка сорвалась с полки и разбилась. Аста зажала уши.

— Хватит!

Мрак продолжал бушевать. Она попыталась сделать то, чему училась всю жизнь. Затолкнуть его обратно.

Спрятать.

Закрыть.

Нет вас.

Тени ударились о стены.

Нет.

Холод усилился.

Вас нет.

Что-то внутри нее сопротивлялось.

Чем сильнее Аста пыталась захлопнуть эту дверь, тем сильнее тьма давила с другой стороны. Она впилась ногтями в ладони.

— Исчезните...

Ничего.

— Пожалуйста.

Снова ничего. За окном кто-то засмеялся.

Аста застыла.

Улица. Люди. Соседи. Если кто-нибудь посмотрит в окно...

Она увидела это мгновенно. Не как воспоминание. Как будущее. Люди у двери. Стража. Белые одежды Инквизиции.

Папа.

Мама.

Тиана.

Никос.

Мысль о нем пробила панику. Маленькая ладонь, сжимающая ее палец. Слюнявая улыбка. Деревянная башня, которую он с восторгом разрушал снова и снова. Тень, потянувшаяся к нему. И Никос, который не заплакал. Засмеялся. Аста перестала дышать. Он не боялся.

Почему?

Тень ведь была той же. Та же самая магия. Та же самая Тьма. Изменилось только то, кто на нее смотрел. Перед гла-

зами снова возникла мать.

Никогда больше!

А потом Никос. Его пальцы, пытающиеся поймать темную ленту. Аста медленно опустила руки. Мрак бушевал вокруг. Она дрожала. Ей хотелось снова зажмуриться. Спрятаться. Приказать всему этому исчезнуть. Вместо этого она посмотрела. По-настоящему.

Тени метались по стенам. Но ни одна не коснулась ее. Осколки тарелок лежали на полу. Стул был опрокинут. Ставни хлопали. Но вокруг самой Асты оставался почти идеальный круг пустого пространства. Она нахмурилась.

Тени не нападали. Они защищали. Как умели. Серебро снова впилося в шею. Мрак рванулся к нему. Аста почувствовала это раньше, чем увидела.

— Стойте.

Тени замерли. Всего на мгновение, но замерли.

Аста тоже.

Они слышали. Не подчинились. Но слышали. Она медленно поднялась на колени.

— Стойте.

Голос дрожал. Одна из теней скользнула ближе. По полу. Тонкая. Знакомая. Она свернулась возле ее колена. Почти как тогда.

Аста смотрела на нее. Сердце колотилось так сильно, что болела грудь. Ей хотелось отодвинуться. Она не отодвинулась.

— Я помню.

Тень дрогнула. Аста сама не понимала, кому говорит.

Ей.

Себе.

Трехлетней девочке, которая когда-то решила, что больше никогда не посмотрит в темный угол комнаты.

— Я вас помню.

Тень коснулась ее пальцев. Холодная. Мягкая. Аста закрыла глаза. Не от страха. Просто на секунду. А потом серебро снова сжалось. Она открыла глаза.

— Помогите мне.

Тьма пришла в движение. Но теперь иначе. Не бурей. Не ударом. Тени потянулись к ее шее. Аста едва удержалась на месте. Каждая часть тела кричала отпрянуть. Она не позволила себе. Темные ленты обвились вокруг серебряных ветвей. Ожерелье нагрелось. Тени сжались. Металл закрипел.

Аста вскрикнула.

Серебро сопротивлялось. Тьма дрогнула. Одна лента сорвалась. Потом другая. Ожерелье сдавило горло так сильно, что перед глазами снова появились черные пятна.

Аста схватила серебро обеими руками. Тени сомкнулись поверх ее пальцев. Вместе.

— Еще.

Металл застонал.

— Еще!

Треск прозвучал почти тихо. Одно звено лопнуло. Потом

второе. И ожерелье рассыпалось. Серебряные ветви ударились о пол.

Аста вдохнула. Воздух ворвался в легкие так резко, что стало больно. Она упала на руки. Кашляла. Плакала. Смеялась или всхлипывала — сама не понимала. Несколько капель крови упали на половицу. Но она дышала. Просто дышала.

Когда звон в ушах немного стих, Аста подняла голову. Тени все еще были здесь. Иней не исчез. Стул по-прежнему лежал на боку. По полу были разбросаны осколки посуды. Но буря закончилась. Мрак медленно оседал.

Аста смотрела на него.

— Назад, — прошептала она.

Ничего. Она сглотнула. Попробовала еще раз.

— Пожалуйста. Назад.

Тень у ее руки дрогнула. Аста почти рассмеялась. Разумеется. Приказывала она всю жизнь. Запрещала. Давила. Прятала. А потом удивлялась, почему в момент опасности собственная сила не знает ничего, кроме страха. Она осторожно коснулась темной ленты пальцем.

— Все хорошо.

Слова предназначались не только ей.

— Больше не нужно.

Тень задержалась. Потом медленно отступила. За ней другая. Еще одна. Мрак стекал со стен, прятался под мебелью, растворялся в углах. Не мгновенно. Не идеально. Одна из

ставен снова хлопнула.

Аста вздрогнула.

— Хватит.

Ставня затихла. Через несколько минут в доме стало почти темно. Обычные тени лежали там, где им полагалось. Почти обычные.

Аста сидела посреди разгромленной комнаты. Руки дрожали. Шея горела. Сил не осталось совсем. Она посмотрела на собственные ладони. Потом на темный угол возле шкафа.

— Вы мои? — тихо спросила она.

Ответа, конечно, не последовало. Но одна тонкая тень вытянулась по полу и коснулась носка ее туфли. Аста не отдернула ногу. Этого пока было достаточно.

На улице слышались голоса. Она мгновенно напряглась. Двое мужчин прошли мимо дома. Один что-то громко рассказывал. Второй рассмеялся. Шаги удалились.

Аста посмотрела вокруг. Разбитая посуда. Иней. Вода на стенах. Перевернутая мебель. Серебро на полу. Если семья вернется и увидит это...

Она заставила себя подняться. Ноги почти не держали. Первым делом — ставни. Аста закрыла их. Потом опустилась возле осколков ожерелья. Серебряные ветви выглядели теперь почти безобидно.

Она осторожно взяла одну. Металл был холодным. Обычным. Аста перевернула обломок в пальцах. На внутренней стороне ветви виднелись тонкие линии. Она нахмурилась.

Раньше их не замечала. Слишком мелкие для украшения.

Буквы?

Символы?

Она тихо выругалась.

Это ожерелье точно не было просто ожерельем. Аста за-
вернула обломки в кусок ткани. Нужно спрятать. Потом при-
думать объяснение. Грабители. Темный переулок. Кто-то со-
рвал украшение. Глупая история. Но лучше правды. Правда
могла убить их всех.

Она поднялась.

И только тогда заметила отражение в маленьком зерка-
ле возле двери. Шея была покрыта красными полосами. В
нескольких местах кожа была рассечена. Это тоже придется
объяснять.

Аста смотрела на себя. Сумеречное платье было испачка-
но. Прическа почти распалась. Глаза опухли от слез. Ничего
от девушки, которую наследный принц кружил в танце, не
осталось.

Никан.

Если захотите снять его — снимите.

Аста коротко, почти беззвучно рассмеялась.

— Сняла.

Смех тут же умер. Потому что она вспомнила другое.

Аталия.

Королева прислала ожерелье. Ожерелье оказалось покры-
то неизвестными символами. Ожерелье делало с ней то, чего

обычное серебро делать не могло.

Но зачем?

Аста не знала. И незнание пугало ее сильнее ответа. Она спрятала сверток глубоко в ящик старого комода. Потом вернулась в прихожую. Одна из теней еще оставалась возле стены.

Аста остановилась.

Раньше она приказала бы ей исчезнуть. Теперь просто посмотрела.

— Никому ни слова.

Тень качнулась. Аста устало потерла лицо.

— Прекрасно. Я разговариваю с тенями.

Темная лента свернулась у стены. Почти насмешливо. Аста замерла. А потом неожиданно улыбнулась. Совсем немного. До возвращения семьи оставалось неизвестно, сколько времени. Нужно было убрать осколки, вытереть воду, придумать ложь, спрятать следы.

Бояться королевы.

Бояться Инквизиции.

Бояться самой себя тоже никуда не исчезло.

Но теперь рядом с этим страхом появилось что-то еще. Совсем маленькое. Пока почти незаметное.

Аста посмотрела в темный угол. И подумала, что, возможно, все эти годы задавала неправильный вопрос.

Не:

как заставить это исчезнуть?

A:

что это на самом деле?

Глава 17

Со дня Праздника Урожая прошло три дня. Асте казалось — гораздо больше. Городской архив жил своей обычной жизнью.

Где-то за стеллажами шелестели страницы. Скрипело перо Элары. Старший архивариус уже дважды прошел мимо их столов, недовольно бормоча что-то о неправильной влажности в западном хранилище.

Все было как всегда. Именно это казалось самым странным. Аста сидела за своим дальним столом, склонившись над свитком. Перед ней уже четверть часа лежала одна и та же строка.

Она прочитала ее снова.

В год третьего разлива восточные земли...

Дальше смысл исчезал. Аста вздохнула и отложила перо. Пальцы машинально потянулись к шее. Она остановила руку на полпути. Высокий воротник закрывал почти все следы. Утром Тиана заметила красную полосу возле уха и спросила, не нужно ли приложить какую-нибудь мазь. Аста сказала, что уже лучше. Это была правда. Одна из немногих за последние три дня.

В ту ночь семья вернулась с праздника далеко за полночь. К тому времени Аста успела убрать разбитую посуду, вытереть воду со стен и спрятать серебро в старом комоде. Слож-

нее всего оказалось придумать, что сказать. В итоге она выбрала грабителей. Двое мужчин. Темный переулок. Попытались сорвать украшение. Она сопротивлялась. Они убежали. Ложь была плохой.

Аста знала это еще до того, как начала говорить.

Ларен — нет. Мать побелела при словах о королевском ожерелье. Потом начала задавать вопросы.

Почему Аста ушла одна?

Почему никого не позвала?

Видел ли кто-нибудь нападавших?

Почему она вообще покинула праздник?

Последний вопрос оказался самым неприятным. Аста сказала, что ей стало плохо. И снова не совсем солгала.

Маэль почти ничего не говорил. Только осмотрел дверь, потом окна и перед сном дважды проверил засов.

На следующий день Ларен отправила во дворец письмо с извинениями за утрату королевского подарка. С тех пор ответа не было. Аста предпочла бы гнев. Молчание оставляло слишком много места для воображения. Она снова посмотрела на свиток.

В год третьего разлива...

Что-то коснулось ножки стола. Аста замерла. Медленно опустила глаза. Под столом было темно. Обычная тень. По крайней мере, должна была быть обычной. Аста осторожно пошевелила пальцами. Темное пятно вытянулось. Совсем немного. Она перестала дышать.

Еще раз.

Палец вправо. Тень последовала за ним. Аста быстро оглянулась. Никто не смотрел. Элара сидела в другом конце зала, уткнувшись в какую-то ведомость. Аста снова опустила взгляд.

— Это ты? — едва слышно спросила она.

Тень никак не отреагировала.

Темный край дрогнул. Аста нахмурилась. Она еще не решила, действительно ли тени понимали ее слова или ей просто очень хотелось так думать. Последние три дня она проверяла. Осторожно. Только когда оставалась одна. Иногда они двигались вслед за ее рукой. Иногда не двигались. Иногда появлялись там, где секунду назад их точно не было.

А вчера одна из них столкнула со стола катушку ниток после того, как Аста в сердцах назвала ее бесполезной. Совпадение. Наверное.

Она протянула руку вниз. Тень приблизилась к кончикам пальцев. Аста напряглась. Тело все еще помнило, что нужно делать. Отдернуть руку. Прогнать. Спрятать.

Она не сделала ничего. Темнота коснулась ее пальца. Холодная. Аста сглотнула. Страх не стало меньше.

Вот что удивляло больше всего. После той ночи она не проснулась другим человеком. Не перестала вспоминать лицо матери. Не перестала думать об Инквизиции. Не перестала бояться того, что однажды тени снова выйдут из-под контроля. Но теперь рядом со страхом жило любопытство.

Маленькое.

Назойливое.

И с каждым днем оно становилось чуть сильнее.

Что это на самом деле?

Аста медленно повела пальцем. Тень последовала.

— Аста.

Она едва не ударилась коленом о стол. Тень мгновенно растеклась по полу. Элара стояла в нескольких шагах, прижимая к груди стопку бумаг.

— Что?

— Я уже третий раз тебя зову.

— Я работаю.

Элара посмотрела на лежащий перед ней свиток. Потом на совершенно чистый лист перевода.

— Вижу.

Аста взяла перо.

— Очень напряженно.

Элара не ушла.

— Ты точно в порядке?

— Да.

— У тебя воротник до подбородка.

— Осень.

Элара посмотрела в высокое окно. За ним сияло почти безоблачное небо.

— Аста.

— Элара.

Подруга вздохнула.

— Хорошо.

Она положила бумаги на край стола.

— Но если захочешь рассказать, почему ты исчезла с праздника так, будто за тобой гналась сама смерть...

Пальцы Асты сжались на пере. Элара замолчала.

— ...я умею слушать, — закончила она уже тише.

Аста подняла глаза. На мгновение захотелось рассказать. Не все. Хотя бы про ожерелье. Про то, как оно сжималось. Про странные символы. Про голос, которого не было.

Но вслед за этим возник другой образ.

Белые одежды. Огонь. Никос.

— Я знаю, — сказала она.

Элара еще несколько секунд смотрела на нее. Потом кивнула.

— Ладно.

Она развернулась.

— Элара.

Подруга остановилась.

— Спасибо.

— За что?

Аста пожала плечами.

— За то, что не задаешь четвертый вопрос.

Элара прищурилась.

— Вообще-то это был шестой.

Аста улыбнулась.

— Тем более.

Когда Элара ушла, улыбка осталась. Ненадолго. Потому что вместе с воспоминанием о празднике пришло другое.

Никан. Аста уставилась на свиток. Она не будет об этом думать.

В год третьего разлива...

Его рука на ее талии. Аста стиснула зубы.

Восточные земли...

То короткое мгновение, когда он наклонился. Его взгляд опустился к ее губам. А она отстранилась. Совсем немного. И он остановился. Вот это почему-то возвращалось чаще всего. Не то, как близко он стоял. Не то, что ей самой на какое-то безумное мгновение хотелось узнать, что произойдет дальше. А то, что Никан остановился.

Без раздражения.

Без насмешки.

Без попытки убедить.

Просто оставил между ними расстояние. А потом, уже после танца, сказал:

«Если захотите снять его — снимите».

Аста коснулась воротника.

— Спасибо за совет, — пробормотала она.

Под столом тень едва заметно качнулась.

— Даже не начинай.

Она снова взялась за перо. На этот раз ей удалось перевести целых две строки.

В другом конце столицы Королева Аталия читала письмо Ларен во второй раз. Почерк у женщины был аккуратным. Учительским. Слишком сильный нажим выдавал волнение.

«...приносим глубочайшие извинения Ее Величеству за утрату бесценного дара...»

Аталия перевернула страницу. Перед ее столом стоял капитан личной гвардии.

— Грабители, — произнесла Королева.

Капитан промолчал.

— Какая досада.

Она положила письмо рядом с чашкой.

— Особенно учитывая, что городская стража не получила ни одного заявления о нападении на девушку в праздничном платье в ночь Урожая.

— Возможно, семья решила не обращаться к страже.

— Возможно.

Аталия взяла чашку. Настой давно остыл. Она поставила его обратно.

— Что с югом?

Капитан протянул ей несколько сложенных листов.

— Ответы пришли утром. Из городской управы, церковных книг и от человека казначейства в провинции.

Аталия начала читать.

Маэль. Столяр. Несколько постоянных заказчиков. Никаких долгов.

Ларен. Учительница. В особенно тяжелые годы бралась за дополнительную работу.

Тиана. Ранний брак. Муж пил. Вернулась к родителям с ребенком.

Аста. Несколько лет помогала местному писцу, позже получила место при архиве.

Аталия перевернула лист.

— И все?

— Пока все, Ваше Величество.

— Соседи?

— Семью считали нелюдистой. Не скандальной. Не опасной. Просто закрытой.

— Друзья?

— Почти нет.

— Родственники?

Капитан помедлил.

Аталия подняла глаза.

— Я слушаю.

— По линии Ларен ничего необычного. По линии Маэля сведения обрываются раньше, чем должны.

Королева отложила бумаги.

— Насколько раньше?

— Его отец есть в записях. Дед — только в одной налоговой книге. До этого ничего надежного.

— Ничего?

— Мы продолжаем искать.

Аталия задумалась.

Вот это было уже интереснее. Не преступление. Не доказательство. Даже не настоящая тайна — старые записи исчезали чаще, чем хотелось бы чиновникам. Пожары. Войны. Сырость. Человеческая глупость. Но семья, которая десятилетиями держалась особняком, в сочетании с обрывающейся родословной заслуживала внимания.

Особенно теперь.

Аталия коснулась пальцем письма Ларен.

— Расскажи мне о нападении.

— Рассказывать почти нечего. Свидетелей пока не нашли.

— В ночь Праздника Урожая.

— Да, Ваше Величество.

— Когда половина столицы находилась на улицах.

Капитан промолчал.

— Удивительно удачливые грабители.

— Возможно, девушка солгала.

— Разумеется, солгала.

Ответ прозвучал так спокойно, что капитан наконец поднял глаза. Аталия улыбнулась.

— Вопрос не в этом. Вопрос — зачем.

Она откинулась на спинку кресла. Перед глазами на мгновение возникла площадь. Сумеречное платье. Рука Никана на талии девушки. Смех сына.

Потом серебро на тонкой шее. Аталия сама выбирала заклятие. Совсем простое. Не для причинения боли. Не для

подчинения разума. Лишь небольшое давление на волю владельца в моменты сильного сопротивления. Напоминание о том, что некоторые порывы лучше подавлять. Обычно человек даже не понимал, что именно чувствует. Становился спокойнее. Уступчивее. Разумнее. Ожерелье уже использовали прежде. Оно никому не причиняло вреда. И его невозможно было разорвать руками.

Аталия снова посмотрела на письмо.

Грабители сорвали украшение.

Нет. Она не знала, что произошло. И именно это ей не нравилось.

— Найти девушку и допросить? — спросил капитан.

Аталия перевела на него взгляд.

— На каком основании? Потеряла украшение?

Он замолчал.

— Подаренное лично Королевой.

— Что, несомненно, является тяжким преступлением.

Капитан понял насмешку.

— Нет, Ваше Величество.

— Тогда не предлагай мне решений, которые создают больше вопросов, чем ответов.

Аталия встала. Подошла к окну. Внизу лежал дворцовый сад. Идеальные дорожки. Подстриженные деревья. Ни одной ветви не позволялось расти там, где ей вздумается.

— Никан интересуется ею, — сказала она.

— Я заметил.

— Весь двор заметил.

Аталия провела пальцем по холодному стеклу.

— Если я начну таскать ее семью на допросы, через сутки половина столицы решит, что я увидела в дочери столяра будущую невестку.

Капитан кашлянул.

— А вторая половина?

— Решит, что я собираюсь ее убить.

— А вы собираетесь?

Аталия обернулась. Капитан побледнел. Несколько секунд она просто смотрела на него. Потом рассмеялась. Тихо.

— Боги, капитан. Иногда мне кажется, что тебе совершенно не хочется дожить до старости.

— Прошу прощения, Ваше Величество.

— Пока девушка всего лишь солгала.

Аталия вернулась к столу.

— А люди лгут постоянно.

Она снова посмотрела на донесения.

Маэль.

Ларен.

Тиана.

Аста.

Маленький ребенок.

Обычная семья. Почти болезненно обычная.

— Нет, — сказала она. — Никаких допросов.

— Тогда что прикажете?

Аталия взяла чистый лист пергамента.

— Пригласим их.

Капитан нахмурился.

— Во дворец?

— На ужин.

Перо коснулось бумаги.

— Всю семью?

— Всю.

Она написала первую строку. Остановилась.

— Кроме ребенка, разумеется. Я все-таки не чудовище.

Капитан благоразумно ничего не ответил. Аталия продолжила писать.

— Люди гораздо интереснее ведут себя за столом, чем в комнате для допросов.

— Почему?

— Потому что за столом они думают, что им ничего не угрожает.

Она закончила приглашение. Посыпала чернила песком. Потом приложила королевскую печать.

— Пусть доставят сегодня.

Капитан принял письмо.

— На какой день?

Аталия посмотрела на донесение, лежавшее перед ней. На имя Асты.

— Завтра вечером.

Капитан поклонился и направился к двери.

— И еще.

Он остановился.

— Ваше Величество?

— Никакой слежки за девушкой.

Капитан явно удивился.

— Совсем?

— Совсем.

Аталия улыбнулась.

— Если человек что-то прячет, нет ничего глупее, чем дать ему понять, что ты ищешь.

Капитан снова поклонился. Дверь закрылась.

Аталия осталась одна. Несколько секунд она смотрела на письмо Ларен. Потом взяла его и снова перечитала последнюю строку.

«Надеемся на милость и понимание Ее Величества».

— Разумеется, — тихо сказала Аталия.

Она аккуратно сложила письмо.

— Именно их вы и получите.

Глава 18

Никан опоздал к ужину. Не настолько, чтобы это считалось оскорблением. Но достаточно, чтобы мать обязательно заметила. Он шел по коридору к Малахитовой столовой, застегивая на ходу манжет. Настроение было отвратительным. Последние три дня он несколько раз собирался отправиться в городской архив. И каждый раз находил причину этого не делать.

В первый день решил, что Асте нужно время.

Во второй — что появление наследного принца на ее работе после того, как половина двора видела их танец, вряд ли поможет.

Сегодня утром признался себе, что просто не знает, хочет ли она его видеть. Последняя мысль раздражала больше остальных. Потому что раньше Никан редко задавался вопросом, хочет ли кто-нибудь его видеть.

Обычно это подразумевалось. Перед дверями столовой он остановился. Выдохнул. Семейный ужин. Мать. Отец. Новости Совета. Замечание о его опоздании. Два часа скуки. Почти облегчение. Страж распахнул двери. Никан вошел.

И остановился.

За столом сидела Аста. Первой он увидел именно ее. Только потом — остальных. Маэль рядом с женой. Ларен. Тиана. Ребенок, разумеется, отсутствовал.

Напротив них сидел отец. А во главе стола — мать. Никан медленно перевел взгляд обратно на Асту.

Она тоже смотрела на него. Всего мгновение. Потом опустила глаза. Что-то внутри неприятно сжалось.

— Никан, — сказала Аталия. — Как хорошо, что ты все-таки решил к нам присоединиться.

Он посмотрел на мать. Она улыбалась обычной улыбкой. Той самой, которой встречала послов, благотворителей, детей погибших солдат и особенно надоедливых родственников.

— Матушка.

Никан поклонился отцу.

— Отец.

Король коротко кивнул.

— Садись. Суп остывает.

Никан занял свое место. Напротив Асты. Конечно, он не сомневался, что это тоже случайность, как и весь ужин.

— Мы как раз говорили о переезде, — сообщила Аталия. — Ларен рассказывала, как непросто начинать жизнь заново в столице.

Ларен улыбнулась. По крайней мере попыталась.

— Ее Величество слишком добра.

Чашка в ее руке слегка звякнула о блюде. Никан заметил. Потом посмотрел на Маэля. Тот сидел очень прямо. Слишком прямо. Тиана почти не поднимала глаз. Только Аста выглядела спокойной. Если не считать руки. Большой палец

медленно тер край салфетки.

Снова. И снова. И снова. Никан опустил взгляд ниже. Высокий серый воротник закрывал ее шею почти до подбородка.

Ожерелья не было.

Он перестал слышать разговор.

Оно все еще мешает?

Оно просто тяжелое.

А потом:

Если захотите снять его — снимите.

Никан посмотрел на воротник. Аста словно почувствовала. Подняла глаза. На этот раз не отвела. Никан едва заметно нахмурился. Она чуть качнула головой.

Нет.

Он понял.

Не здесь.

Никан взял бокал.

— А ваш прежний город далеко от столицы? — спросила Аталия.

— Около десяти дней пути, Ваше Величество, — ответил Маэль.

— Правда? Мне казалось, двенадцать.

Маэль замер. Совсем ненадолго.

— Зависит от дороги.

— Разумеется.

Аталия улыбнулась и повернулась к Ларен.

— Вы там преподавали?

— Да, Ваше Величество.

— Долго?

— Почти двадцать лет.

— Какая преданность.

Ларен опустила глаза.

— Мне нравилась моя работа.

— Наверное, вы знали почти весь город.

Никан увидел, как пальцы Маэля сжались на ножке бокала. Ларен тоже увидела.

— Детей, — ответила она. — В основном детей.

— А их родители?

— Некоторых.

— Странно. Мне всегда казалось, учитель знает о семьях больше священника.

Аталия рассмеялась. Король усмехнулся. Ларен тоже попыталась. Никан — нет. Он смотрел на мать. Вопросы были совершенно обычными. И почему-то ни один не казался обычным.

— Мама, — сказала Тиана тихо, — ты ведь еще шила.

Ларен посмотрела на дочь.

— Иногда.

— Шили? — заинтересовалась Аталия.

— Когда денег не хватало, Ваше Величество.

— Не стоит стесняться труда.

— Я не стесняюсь.

Ответ прозвучал чуть быстрее, чем следовало. Аталия улыбнулась. Ларен побледнела.

Никан положил вилку. Теперь он понял. Не что именно происходит. Но достаточно.

Мать не разговаривала с ними. Она наблюдала. Каждый вопрос был камнем, брошенным в воду. Аталия просто смотрела, где появятся круги.

Никан перевел взгляд на Асту. Она уже смотрела на мать. И судя по выражению ее лица, поняла то же самое.

— А вы, Маэль? — продолжила Аталия. — Всегда занимались столярным ремеслом?

— С пятнадцати лет.

— У отца учились?

Пауза. Короткая. Почти незаметная.

— Да.

Аста перестала тереть салфетку.

— Значит, семейное дело.

— Можно сказать и так.

— Как звали вашего отца?

Маэль открыл рот.

— Дарен, — ответила Аста.

Все посмотрели на нее. Она спокойно отпила воды.

— Дарен Эйр. Дедушка умер задолго до моего рождения. Папа рассказывал о нем столько раз, что иногда мне кажется, будто я была с ним знакома.

Маэль посмотрел на дочь. Никан заметил этот взгляд.

Благодарность?

Страх?

Предупреждение?

Слишком быстро исчез. Аталия же улыбнулась.

— Какая хорошая память.

— Профессиональная необходимость.

— Разумеется. Вы ведь переводчица.

— Иногда даже полезная.

Королева улыбнулась.

— Я в этом не сомневаюсь.

Никан посмотрел на Асту.

Она сидела совершенно спокойно. Только теперь ноготь большого пальца впивался в кожу указательного. Он вдруг очень ясно вспомнил площадь. То мгновение, когда она отстранилась. И как легко было остановиться. Сейчас остановиться хотелось гораздо меньше. Хотелось спросить мать, что она делает.

Зачем?

Что ей нужно?

Но Аста уже один раз сказала ему без слов:

не здесь.

Никан заставил себя взять вилку.

— Аста, — произнесла Аталия. — Как ваша шея?

Вилка остановилась. За столом стало тихо. Ларен опустила ложку. Маэль посмотрел на дочь. Аста не шелохнулась.

— Уже лучше, Ваше Величество.

— Я очень расстроилась, когда получила письмо вашей матери. Какое ужасное происшествие. Прямо в ночь праздника.

— Да.

— И никто не помог?

— Все произошло быстро.

Аталия вздохнула.

— А ожерелье, грабители унесли его?

Никан почувствовал, как напряглась вся семья.

Пауза.

— Да.

Никан посмотрел на нее. Аста лгала. Он не знал, откуда это знает. Просто знал.

— Какая жалость, — сказала Аталия. — Оно было старинным.

— Простите.

— За что?

Аста растерялась. Совсем немного.

— За потерю подарка.

— Аста, дорогая, вещи существуют для людей, а не люди для вещей.

Никан медленно поднял глаза на мать. Она смотрела только на Асту. Улыбалась.

— Главное, что вы не пострадали серьезно.

Аста коснулась воротника. Мгновенно. И тут же опустила руку. Но Аталия заметила. Никан тоже.

— Благодарю, Ваше Величество.

Королева взяла бокал. Разговор продолжился. О погоде. О столице. О заказах Маэля. О том, нравится ли Тиане новый дом.

Ни одного опасного вопроса. Ни одного обвинения. Ни одного слова, которое можно было бы назвать недоброжелательным. И от этого Никану становилось только хуже. К десерту он почти не притронулся. Аста тоже.

Когда ужин закончился, Маэль поднялся первым.

— Благодарим за честь, Ваши Величества.

— Надеюсь, вы еще не раз у нас побываете, — ответила Аталия.

Никан увидел, как Аста едва заметно напряглась.

— Корона должна заботиться о своих людях, — продолжила мать.

— Мы этого не забудем, — сказал Маэль.

Никан почему-то поверил ему. Семья направилась к выходу. Аста шла последней. Никан подождал несколько секунд. Потом поднялся.

— Прошу прощения.

Мать посмотрела на него поверх бокала. Ничего не сказала. Это почему-то насторожило сильнее, чем если бы остановила. Никан вышел. Он нагнал семью у боковой лестницы.

— Аста.

Маэль остановился. Аста тоже. Несколько секунд никто

не двигался.

— Мне нужно поговорить с вами.

Маэль шагнул было вперед. Аста коснулась его руки.

— Папа.

Он посмотрел на нее.

— Я догоню.

— Аста...

— Все хорошо.

Это прозвучало неубедительно. Маэль перевел взгляд на Никана. В нем не было ни почтения, ни благодарности. Только предупреждение. Никан неожиданно его понял.

— Я задержу ее на минуту, — сказал он.

Маэль ничего не ответил. Потом все-таки пошел вслед за Ларен и Тианой. Стража двинулась за ними. Аста осталась возле лестницы. Никан не подошел ближе. Между ними было несколько шагов.

— Что случилось в день праздника?

Она посмотрела на него.

— Я ушла.

— Это я заметил.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что сегодня на вас воротник до подбородка. Ожерелья нет. А моя мать спрашивает о вашей шее так, будто уже знает ответ.

Аста молчала.

— Вас действительно ограбили?

— Да.

— Я вам не верю.

— Это не моя проблема.

— Да, не ваша, а моя.

Она явно не ожидала такого ответа.

Никан продолжил:

— Если кто-то причинил вам вред...

— Не надо.

Он замолчал. Аста закрыла глаза. Всего на секунду. Когда открыла, в них была усталость.

— Не надо меня спасать.

Никан нахмурился.

— Я не...

— Спасаете.

Она сказала это без злости. От этого прозвучало хуже.

— В архиве. На празднике. Сейчас.

— Я просто пытаюсь понять, что происходит.

— А если поймете?

Никан не ответил.

— Что вы сделаете?

— Если вам угрожают...

— Вот.

Аста коротко рассмеялась. Совсем без веселья.

— Я не понимаю.

— Потому что вам никогда не приходилось думать о том, что ваше внимание само по себе может быть опасным.

Никан замер. Аста посмотрела в сторону лестницы. Семья уже скрылась.

— Несколько дней назад вы танцевали со мной перед всем двором. Сегодня ваша мать знает, где мы жили, чем зарабатывали мои родители и как звали моего деда.

Никан вспомнил ужин. Вопросы. Паузы. Маэля.

— Думаете, это из-за меня?

— Не знаю.

Ответ прозвучал сразу. Честно.

— Ожерелье она прислала раньше.

Никан посмотрел на ее воротник. Аста заметила. Подняла руку. Не коснулась шеи. Остановилась.

— Значит, что-то началось еще до танца. Я не знаю что. Не знаю зачем. И не знаю, чего она хочет.

— Тогда тем более...

— Нет.

Он замолчал. Аста глубоко вдохнула.

— Вы не причина всего этого.

Никан почувствовал странное облегчение. Оно длилось недолго.

— Но вы можете сделать хуже.

Вот теперь стало больно.

— Каким образом?

Аста посмотрела ему прямо в глаза.

— Потому что вы наследник престола.

Никан почти усмехнулся.

— Обычно это считается преимуществом.

— Для вас.

Он перестал улыбаться.

— Когда вы входите в архив, люди смотрят. Когда приглашаете меня танцевать, люди говорят. Когда бежите за мной после ужина, люди замечают.

Никан оглянулся на пустой коридор. Аста проследила за его взглядом.

— Именно.

— Здесь никого нет.

— Вы правда в это верите?

Он снова посмотрел на нее. Нет. Не верил. Не во дворце матери. Аста потеряла ладони.

— Мне нужно время.

— Для чего?

— Понять, что происходит.

— И я мешаю.

Она долго не отвечала.

— Да.

Одно слово. Без обвинения. Без злости. Никан кивнул. Аста явно ожидала другого.

— Хорошо. Я не буду приходить в архив.

Она смотрела на него.

— Не стану искать встреч. Вы этого хотите?

Аста открыла рот. Закрыла. Посмотрела в сторону. Потом снова на него.

— Сейчас — да.

Этого было достаточно. Никан кивнул.

— Хорошо.

Несколько секунд они просто стояли.

— И все? — спросила она.

Он почти улыбнулся.

— Вы почему-то постоянно удивляетесь, когда я вас слушаю.

На лице Асты что-то дрогнуло.

— У меня мало практики.

Никан не знал, что на это ответить. Она первой отвела взгляд.

— Мне пора.

— Аста.

Она остановилась. Никан хотел сказать, что защитит ее. Слова уже почти сорвались. Он проглотил их. Она только что попросила его не делать именно этого.

— Будьте осторожны.

Аста посмотрела на него.

— Вы тоже.

И ушла.

Никан остался возле лестницы. Не пошел следом. Это оказалось значительно труднее, чем он ожидал.

Аталия была в малом кабинете. Конечно. Никан даже не удивился. Она сидела возле камина с бокалом вина и про-

смастривала какие-то бумаги.

— Быстро, — сказала Королева, не поднимая глаз.

Никан закрыл дверь.

— Что?

— Я думала, разговор займет дольше.

Он застыл. Аталия перевернула страницу.

— Ты ведь за ней ходил?

Никан медленно подошел ближе.

— Вы следили?

Теперь мать подняла глаза.

— За тобой? В собственном дворце?

Никан сжал челюсти.

— Зачем вы пригласили их?

— Я уже объяснила.

— Нет.

Аталия отложила бумаги.

— Какой серьезный тон.

— Зачем?

Она изучала его несколько секунд.

— Семья солгала мне.

— Об ожерелье?

— Как минимум.

— И поэтому вы решили выяснить имя деда ее отца за десертом?

Аталия улыбнулась.

— Ты слушал.

— Я не идиот.

— Никогда этого не утверждала.

Никан подошел к столу.

— Что вы ищете?

— Пока не знаю.

— Прекрасный повод копаться в чужой жизни.

— Никан.

Голос матери изменился совсем немного. Этого хватило. В детстве после такого тона он переставал спорить. В шестнадцать — начинал оправдываться. В двадцать — переводил разговор в шутку. Сегодня не сделал ничего. Просто смотрел. Аталия первой отвела взгляд. Совсем ненадолго.

— Девушка солгала о нападении, — сказала она. — Ее семья десятилетиями живет так, будто боится оставить после себя след. В родословной Маэля есть пробелы. И все это обнаруживается сразу после того, как его дочь привлекает внимание наследника престола.

— Не впутывайте меня.

— Поздно.

Никан почувствовал, как внутри поднимается злость.

— Я не давал вам права...

— Права?

Аталия негромко рассмеялась.

— Ты действительно решил поговорить со мной о праве проверять людей, которые могут оказаться рядом с будущим королем?

— Она не «рядом с будущим королем».

— Нет?

Слишком быстро. Никан понял ловушку. И замолчал. Аталиа смотрела на него.

— Ты танцевал с ней так, будто площадь была пустой. Сегодня едва дождался конца ужина, чтобы побежать следом. А теперь стоишь в моем кабинете и требуешь оставить ее семью в покое.

Никан ничего не сказал.

— И она не рядом с будущим королем?

— Нет.

— Тогда почему ты здесь?

Старая привычка почти заставила ответить. Отшутиться. Сказать, что девушка его забавляет. Что мать преувеличивает. Что это просто интерес. Любая из этих фраз дала бы Аталиа что-нибудь. Никан решил не давать ничего.

— Потому что вы напугали людей, которые сидели за вашим столом как гости.

Аталиа слегка приподняла бровь.

— Как благородно.

— Потому что вы задавали вопросы, ответы на которые уже знали.

Молчание.

— Потому что Аста весь вечер боялась поднять руку к собственной шее.

Улыбка исчезла. Совсем чуть-чуть. Никан заметил.

— Что было с ожерельем?

Аталия не ответила. И этого оказалось достаточно. В груди стало холодно.

— Матушка?

— Это был подарок.

— Что было с ожерельем?

— Осторожнее.

Никан смотрел на нее.

— С чем?

Теперь молчала она. Никан вдруг понял, что никогда раньше не задавал матери вопрос второй раз, если она явно не хотела отвечать.

Никогда.

Странное открытие.

— Оно причинило ей вред?

— Откуда такая мысль?

— Ответьте.

Аталия поднялась.

— Ты переходишь границу.

— Возможно.

— Из-за девушки, которую видел несколько раз.

— Я спрашиваю об ожерелье.

— А я говорю о тебе.

Она подошла ближе.

— И мне гораздо интереснее, почему этот разговор вообще происходит.

Никан понял. Вот что ей нужно. Не Аста. Ответ.

Насколько сильно? Насколько далеко? Что он сделает ради нее? Он почти дал ей это несколько минут назад.

— Спокойной ночи, матушка.

Аталия остановилась.

— Мы не закончили.

— На сегодня — закончили.

Никан повернулся.

— Никан.

Рука уже лежала на дверной ручке. Он обернулся. Мать смотрела на него совершенно спокойно. Но что-то в ее лице изменилось. Он слишком хорошо ее знал, чтобы не заметить. Не злость. Интерес.

— Она попросила тебя держаться подальше? — спросила Аталия.

Никан ничего не ответил.

Уголок ее рта поднялся.

— Понятно.

Он вышел. Дверь закрылась за спиной. Никан несколько секунд стоял в коридоре. Сердце билось слишком быстро. Он пришел сюда требовать ответы. Не получил почти ни одного. Зато понял две вещи. Мать знала об ожерелье больше, чем говорила. И теперь она знала, что он это понял.

В кабинете Аталия еще некоторое время смотрела на закрытую дверь. Потом вернулась к столу. Перед ней лежали донесения о семье Маэля. Королева провела пальцем по

имени Асты. Никан сознательно отказался отвечать ей на вопрос.

Аталия задумалась. Потом взяла перо. Рядом с именем девушки поставила маленькую точку. Не доказательство. Не обвинение. Просто напоминание. Посмотреть внимательнее.

Глава 19

Запах мела, старой бумаги и дешевого травяного чая обычно действовал на Ларен успокаивающе. Сегодня — нет. Она стояла у окна учительской и уже третий раз смотрела на улицу.

Телега с овощами. Двое мальчишек. Старик с корзиной. Никакой стражи.

Ларен отошла от окна.

Через минуту снова посмотрела.

Никакой стражи.

Прошло два дня после ужина во дворце. Два совершенно обычных дня. Никто не пришел ночью. Никого не вызвали на допрос. У дверей не появились люди в белом.

Маэль ушел утром в мастерскую. Аста — в архив. Тиана жаловалась, что у Никоса болит зуб.

Жизнь продолжалась. Это должно было успокаивать. Почему-то не успокаивало. Ларен налила воды из графина. Стакан тихо звякнул о край.

Перед глазами снова возникала Малахитовая столовая. Золотой свет. Тончайший фарфор. Король, почти не участвующий в разговоре. И Аталия.

Как звали вашего отца?

Совершенно невинный вопрос. Нормальный. Люди спрашивают о родителях. Ларен сама спрашивала новых коллег,

откуда они родом. Ничего страшного.

Аста, дорогая, вещи существуют для людей, а не люди для вещей.

Ларен сжала стакан. Королева была добра к ним. Именно поэтому пригласила. Именно поэтому не рассердилась из-за ожерелья. Именно поэтому...

Дверь учительской распахнулась. Ларен вздрогнула так сильно, что вода выплеснулась ей на пальцы.

— Простите! — воскликнула вошедшая женщина. — Я вас напугала?

Мадам Софи держала под мышкой целую гору ученических тетрадей. Как ей удавалось ежедневно носить столько бумаги и при этом выглядеть жизнерадостной, Ларен не понимала.

— Нет.

Софи посмотрела на мокрый стол. Потом на Ларен. Она поставила тетради.

— Вы белая как мука. После дворца?

Ларен вытерла воду тряпкой.

— Просто плохо спала.

— Еще бы.

Софи опустилась на стул.

— Я после своего первого ужина у королевы неделю всем об этом рассказывала.

Ларен замерла.

— Вашего... первого?

— Ну да.

Софи уже тянулась к чайнику.

— Правда, второй был не таким впечатляющим. Когда знаешь, что серебряные вилки не кусаются, становится легче.

Ларен медленно села.

— Вы ужинали с Ее Величеством?

— Дважды.

— Семей?

— Первый раз с мужем и старшей дочерью. Это было после того, как мои ученики выиграли столичное состязание по истории. Второй — уже с преподавателями.

Софи налила себе чай.

— Вы не знали?

— Нет.

— Ох.

Она махнула пухлой рукой.

— Аталия постоянно кого-нибудь приглашает. Стражников, мастеров, учителей, врачей. В прошлом месяце была семья мельника с западной окраины.

Ларен смотрела на нее.

— Мельника?

— Да. До него — кажется, какая-то портниха.

— Мадам Селеста?

— Вот! Она самая.

Что-то внутри Ларен осторожно дрогнуло.

— Королева тоже расспрашивала вас о семье?

— Конечно.

Софи подула на чай.

— Она вообще ужасно любопытна.

Ларен застыла. Софи рассмеялась.

— В хорошем смысле, дорогая. Она помнит такие вещи, которые я сама забываю. Когда моя Адела выходила замуж, Ее Величество прислала ей голубые ирисы.

— Почему ирисы?

— Я однажды за ужином сказала, что Адела их любит.

Софи просияла.

— Представляете? Прошло почти два года, а она запомнила.

Ларен молчала.

Она запомнила.

— А о вашем прошлом? — спросила она осторожно. —
Спрашивала?

— Наверняка. Уже не помню.

— Где вы жили?

— Возможно.

— О родителях?

Софи нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Кажется, да. Она спрашивала о моем отце. Он был са-
пожником.

Ларен почувствовала, как пальцы на стакане понемногу
расслабляются.

— И вы не...

Она остановилась.

— Что?

— Не подумали, что это странно?

Софи посмотрела на нее так искренне удивленно, что Ларен вдруг стало неловко.

— Что именно?

— Столько вопросов.

— Ларен.

Софи улыбнулась.

— Она Королева.

Будто этим объяснялось все. Возможно, так и было.

— Она считает, что правитель должен знать свой народ,
— продолжила Софи. — Не по цифрам в отчетах, а по-настоящему. Кто чем живет. Чего боится. На что надеется.

Ларен перестала дышать.

Чего боится.

Софи этого не заметила.

— По-моему, это прекрасно. Много ли монархов вообще знают, как зовут собственных слуг? А наша помнит цветы моей дочери.

Она отпила чай.

— Так что перестаньте выглядеть так, будто вас пригласили на собственные похороны. Вам оказали честь.

Ларен опустила взгляд на свои руки. Ужинала с ними. Спрашивала. Запоминала.

Не только их. Не только Асту. Это была традиция. Настоящая. Мысль была настолько желанной, что Ларен почти испугалась ее.

А имя отца Маэля?

Внутри снова шевельнулось что-то холодное. Она тут же нашла ответ. Королева интересуется семьями. Софи только что сказала.

Ожерелье?

Аста его потеряла. Конечно, Аталия спросила. Любой бы спросил.

Ларен резко поднялась.

— Вам лучше?

Софи удивленно смотрела на нее.

— Да.

И впервые за два дня ответ не пришлось выдавливать.

— Да. Намного.

Она подошла к окну. Та же улица. Та же телега. Никакой стражи.

Ларен медленно выдохнула. Возможно, они действительно слишком долго жили так, будто за каждой дверью кто-то подслушивает. Возможно, страх просто не умел останавливаться, даже когда опасность закончилась. Эта мысль была почти счастливой. Ларен позволила себе в нее поверить.

Домой она шла быстрее обычного. Не бежала. Но несколько раз ловила себя на улыбке. Сегодня она купила по дороге

сладкие груши. Дороговато. Ничего. Можно было иногда.

На кухне Маэль сидел возле окна и чинил расшатавшуюся ножку стула.

— Ты рано.

— У нас отменили последний урок.

Ларен сняла шляпку.

— Я говорила с Софи.

Маэль продолжил работать.

— С той историчкой?

— Да. Она тоже ужинала у королевы.

Резец остановился. Маэль поднял голову.

— Что?

— Дважды.

Ларен поставила корзину на стол.

— Аталия часто приглашает обычных людей. Учителей. Мастеров. Стражников. В прошлом месяце у нее была семья мельника. Еще мадам Селеста.

Маэль молчал.

— Она со всеми так разговаривает, — продолжила Ларен.
— Спрашивает о семье. О прошлом. Запоминает мелочи.

— Откуда Софи знает, как она разговаривает со всеми?

Ларен замерла.

— Маэль.

— Я спрашиваю.

— Она сама была там.

Он отложил резец.

— Она знает, о чем Королева спрашивала Софи. Не о чем спрашивала мельника.

— Какая разница?

— Не знаю.

Ларен почувствовала, как только что обретенное спокойствие начинает ускользать. Она не позволила.

— Мы два дня сами себя хороним. Два дня! А ничего не произошло.

Маэль провел ладонью по лицу.

— Я знаю.

— Потому что происходить нечему.

Он посмотрел на нее.

— Возможно.

Одно слово.

Ларен раздраженно дернула плечами.

— Что еще тебе нужно?

— Ничего.

— Тогда почему ты говоришь таким голосом?

— Каким?

— Будто ждешь, что сейчас выбьют дверь.

Маэль опустил глаза на стул.

— Я слишком долго этого ждал.

Ларен замолчала. Это она понимала. Лучше, чем хотела.

— Нам нельзя так жить дальше, — сказала она уже тише.

Маэль кивнул.

— Нельзя.

— Здесь другое место.

Он снова кивнул. Но легче от этого не стало. Ларен достала из корзины груши.

— Я купила детям.

— Это дорого.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Она посмотрела на мужа.

— Захотелось.

Маэль едва заметно улыбнулся. И вот тогда Ларен наконец почувствовала облегчение. Не полное. Но достаточное. Можно было жить. Хотя бы сегодня.

— Что вы празднуете?

Голос донесся из гостиной. Ларен обернулась. Аста сидела в старом кресле возле окна. На коленях лежало серое платье, которое она штопала. Высокий ворот закрывал шею. Ларен сразу посмотрела туда. Ненавидела себя за это. Но посмотрела.

— Ничего не празднуем, — ответил Маэль.

— По маминому лицу не скажешь.

Ларен почувствовала укол раздражения. Еще минуту назад ей было хорошо. Конечно. Аста всегда умела одним выражением лица вернуть в комнату тревогу.

— Я узнала кое-что об ужине, — сказала Ларен.

Аста отложила иглу.

— Что?

— Оказывается, Ее Величество постоянно приглашает во дворец простых людей. Это ее традиция.

Аста молчала.

— Мадам Софи была там дважды. Королева расспрашивала ее о семье, о прошлом. Она делает это со всеми.

Никакой реакции.

— Ты слышала?

— Слышала.

— И?

Аста посмотрела на мать.

— Что ты хочешь от меня услышать?

Ларен сжала губы.

— Например, что мы зря себя накручивали.

— Я так не думаю.

Облегчение, которое Ларен так бережно несла домой, треснуло.

— Почему?

— Потому что это ничего не меняет.

— Как это не меняет?

— У нее может быть традиция приглашать людей на ужин.

Это не значит, что наш ужин был таким же.

— Ты хоть раз можешь не искать худшее объяснение?

Аста некоторое время смотрела на нее.

— Могу.

Ответ был спокойным. Это злило сильнее крика. Ларен положила грушу на стол.

— Мадам Софи сидела за тем же столом. Ей задавали те же вопросы.

— Ты не знаешь, те же ли.

Ларен вспомнила слова Маэля. Раздражение вспыхнуло мгновенно.

— Боги, вы сговорились?

Маэль поднял голову.

— Ларен.

— Нет, правда. Что вам нужно, чтобы наконец успокоиться?

Аста опустила взгляд к шитью.

— Королева знала о нападении.

— Потому что я написала ей!

— Она знала о нашей прежней жизни.

Маэль резко поднял голову. Ларен тоже.

— За ужином она спрашивала про дедушку.

— Это не значит...

— Мама.

Аста подняла глаза.

— Она не спрашивала о любимом блюде папы. Не спрашивала, какой сорт дерева он предпочитает. Она спросила имя его отца.

Ларен почувствовала, как сердце ускорилося.

— Люди спрашивают о семье. Ты сама только что это признала.

— Признала.

Аста кивнула.

— Но она уже знала ответ.

В комнате стало тихо. Маэль медленно выпрямился.

— Почему ты так решила?

Аста посмотрела на него.

— Потому что она уже знала, сколько занимает дорога от нашего города до столицы. Она не спрашивала вслепую.

Ларен открыла рот. Закрыла. Она помнила.

Мне казалось, двенадцать.

Тогда это показалось обычной светской репликой. Теперь...

— Может быть, она просто знает дороги, — сказала Ларен.

Аста ничего не ответила.

И именно это окончательно вывело ее из себя.

— Перестань так смотреть на меня!

Аста нахмурилась.

— Как?

— Будто я дура!

— Я так не смотрю.

— Смотришь.

— Ларен, — тихо произнес Маэль.

— А ты молчи!

Он отшатнулся. Ларен тут же пожалела. Но злость уже поднялась.

— Вы оба только этим и занимаетесь! — сказала она. —

Ищите угрозу в каждом слове, в каждом взгляде. Мы наконец выбрались из той дыры. У нас есть работа. Дом. Еда. Нас приглашают во дворец, вместо того чтобы гнать с порога. А вы...

Она осеклась. Аста смотрела на нее.

— А мы что?

Ларен почувствовала, как к глазам подступают слезы. Ненавидела их.

— Не позволяете этому быть настоящим.

Аста замерла. Злость на ее лице исчезла. И это почему-то стало еще хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.